

Эля Джикирба

Мюссера

Сборник рассказов

Эля Джикирба

Мюссера. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Джикирба Э.

Мюссера. Сборник рассказов / Э. Джикирба — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930127-7

Смешные и грустные, сумбурные и проникновенные, стремительно уносящиеся в «прекрасное далёко» юности моей рассказы об Абхазии.

ISBN 978-5-44-930127-7

© Джикирба Э.
© Издательские решения

Содержание

Мюссера	6
Мои большие деревья	22
Ауадхара	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Мюссера

Сборник рассказов

Эля Джикирба

Фотограф Давид Авидзба

© Эля Джикирба, 2018

© Давид Авидзба, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4493-0127-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мюссера

Детство-детство, сколько в тебе солнца, не детство, а сплошное солнце. Пронизывает воспоминания насквозь, дробится полупрозрачной зеленью листьев, лежит на лесных опушках пронзительно жаркими участками, разбавляет светотенями и без того разнообразную палитру красок.

Из-за солнечного изобилия создаётся впечатление, что тогда не было плохой погоды. Лишь хорошая.

Следом вспоминается воздух. Очень прозрачный, очень чистый, местами осязаемо вкусный неповторимым вкусом. Вкус, кстати, жив и сегодня. Он встречается в определённых местах: на участке трассы подле Эшеры и по дороге на озеро Рица. Его хочется потрогать, потом запаковать в коробки и предлагать человечеству как некий идеальный продукт.

Вскрываешь коробку, вдыхаешь содержимое – и открываются перед тобой далёкие дали и вечные миры.

Село Мгудзырхва, в котором проводит всё своё летнее детство городская девочка, раскинуто по холмам сложного прибрежного ландшафта в самом сердце Гудаутского района – между Мюссерским мысом и рекой с выразительным названием Хипста. С заросших зеленью и довольно высоких холмов, на которых расположились местные подворья, открываются фантастические виды на все придуманные природой красоты – и водные, и горные. По одну сторону дразнит бесконечным разнообразием оттенков морская гладь, по другую – манит к себе похожий на декорацию в жанре фэнтези Бзыбский хребет.

Какой из видов лучше, сказать трудно, более того, почти невозможно. И, скорее всего, не нужно.

Линия холмов постепенно истончается на покрытом галечником и усеянном выброшенными волнами водорослями пляже, но не прерывается там, а плавно переходит в обнажающий красновато-песчаные внутренности высоких берегов и изрезанный впадающими в море речками массив Мюссерского леса.

Мгудзырхва – довольно большое село. Из-за особенностей сложного рельефа оно делится на две самостоятельные части: собственно Мгудзырхву, с сельсоветом, магазином, школой, приличной центральной дорогой и пансионатом «Золотой берег», в те времена, о которых пойдёт речь, ещё не сползшем наполовину в воду из-за стихийно случившегося оползня.

И Апцхва, где нет ничего, кроме разбросанных по причудливо изрезанному ландшафту и находящихся в стороне от моря подворий.

Ничего – значит ни сельсовета, ни школы, ни моря, ни пансионата. Нет даже хлеба, точнее, нет магазина, в котором его можно купить. А ещё там нет и никогда не было пункта по оказанию медицинской помощи.

Зато в Апцхва есть глубокие овраги-акуара, заросшие густым смешанным лесом, пронизанные чистейшими ручьями, прохладные летом и влажно-тёплые зимой. Посреди села начинается свой спуск к морю Мюссерский лес, а с обрывистых холмов открывается достойный самых высоких похвал и восторгов вид на горы и далёкое отсюда море.

Ночами к домам подбираются шакалы и лисы, соперничающие в добыче птицы с подворий с разделившими небесные участки пернатыми хищниками. Беззвучно шелестят в густом разнотравье змеи, в запрудах живут колонии лягушек, а в первозданном воздухе стоит характерная для нетронутых цивилизацией мест особая тишина звуков, свистов, пощёлкиваний, поскрипываний и беспрерывного жужжаще-звонящего хора насекомых.

Настоящий рай для тех, кто считает не человека, а природу венцом творения.

Асфальтированная ещё в начале шестидесятых годов дорога на повороте к Апцхва, извиваясь, уходит в гору, и если свернуть перед платановой аллеей с республиканской трассы направо и проехать до конца через Мюссерский лес, а затем объехать его кругом, мимо села Блабухва, то можно попасть на трассу с обратной стороны.

Переезд-петля сулит встречу с Мюссерским лесом и местными достопримечательностями – местечком Мюссера, урочищем Амбара, и дачами Сталина и Горбачёва – и выводит на трассу напрямик к посту ГАИ. От поста можно ехать куда угодно: хоть обратно, в сторону Гагры, где, свернув в сторону, можно уйти к Рице, хоть направо, в сторону Сухума, хоть дальше него, к величественно ветшающему Бедийскому храму и красотам Кодорского ущелья.

Через всю Абхазию, одним словом.

В детстве городской девочки в Амбаре каждое лето функционирует пионерский лагерь, волей московских и тбилисских властей расположившийся на прибрежном участке вокруг останков древней крепостной стены и руин такого же древнего храма. Обслуживающий лагерь персонал живёт тут же, за пару километров от Амбары, в небольшом, затерянном посреди густого леса посёлке, названном так же, как и место, где он расположился, – Мюссера. Или, говоря по-абхазски, Мысра.

Жители Мюссеры-Мысра обслуживают не только лагерь, но и спрятавшуюся неподалёку сталинскую дачу, самым фактом своего существования вызывающую приступ потустороннего страха у жителей Апцхва.

Имя вождя народов сельские все стараются не упоминать. А если и упоминают, то, как правило, в связке «Сталин-Берия», определяя фактом приставки к Сталину имени самого яркого из его нукеров их метафизическую, взаимопроникающую неразрывность.

«Сталин-Берия бабду данырышыз...» (Когда Сталин-и-Берия убили твоего дедушку...) – с этой фразы на абхазском бабушка Тамара, как правило, начинает рассказы о тяжёлой жизни жены репрессированного, оставшейся с пятью маленькими детьми на руках после его исчезновения.

Городская девочка метафоры по малолетству не понимает, и её воображение рисует картинку буквального похищения дедушки абстрактным существом с усами и в очках без дужек. Существо увозит дедушку в сухумский дом КГБ, а оттуда в Тбилиси, где дедушка, как гласит семейное предание, в ночь расстрела просит сокамерников не отпускать его с пришедшими за ним конвоирами.

– Не отпускайте меня с ними, – просит он. – Они пришли меня убить.

Состав жителей Мюссеры-Мысра интернационален. Русские, армяне, греки, почти нет грузин и нет собственно абхазов, если не считать продавщицы местного продмага Ирочки, известной во всей округе умением соблюдать непривычный для продавцов советских времён абхазский этикет вежливости в обращении с покупателями.

Именно по причине вежливости Ирочки бабушка Тамара так любит покупать продукты у неё, а не в Гудауте, куда она ездит торговать на рынке едва ли не чаще, чем в Амбару.

Ирочка невысокого роста, с кудрявыми, забранными под повязанную на затылке косынку, смольно-чёрными волосами. У неё краснощёкое миловидное лицо и округлые бока, а ещё ласковые интонации и мягкие манеры. Ирочка никогда не повышает голоса, отвечая на вопросы, которые бабушка Тамара и другие деревенские женщины ей задают в великом

множестве, отчего со стороны создаётся впечатление, что сельчанки расспрашивают Ирочку не для того, чтобы получить информацию, а просто по факту терпеливой обходительности с её стороны.

Из-за маленьких окон и толстых, построенных на славу стен в продмаге мало света и прохладно летом даже в самый жаркий день, и по этой же причине очень холодно зимой. Правда, зимой торговли практически нет и продмаг открыт лишь дважды в неделю по два часа и торгует только самым необходимым – хлебом, сахаром, солью и спичками.

А вот летом торговля в продмаге, наоборот, кипит и полки за длинным деревянным прилавком наполнены нехитрым товаром тех лет.

Стоят и лежат выстроенные штабелями по тогдашней моде консервы и сгущёнка, спички и соль с сахаром, продаётся вкуснейший «алуманат» – как называют лимонад Сухумского завода сельские, обычно грушевый, выдержанный по всем правилам технологического цикла. Из-за этого у «алуманата» отчётливый вкус настоящего продукта, и он способен утолить жажду даже в самый жаркий день.

Левая сторона продмаговских полок отведена под хлеб, и, если она пустует, надо подождать, пока шумный грузовой автомобиль с закрытым кузовом и чёрным смрадным выхлопом привезёт из Гудауты ежедневную порцию. Пропустить момент появления приезда грузовика нельзя. Хлеб мгновенно разлетается по рукам, причём скупают его сразу, по шесть буханок, в основном сельчане. Покупка хлеба в таком количестве из разряда практического. Мало ли, а вдруг не получится попасть в Амбару или в ту же Гудауту в ближайшие два дня.

Хлеб только белый, другого Абхазия тех времён ещё не знает, и его ароматный дух воцаряется в полутёмном пространстве продмага сразу, как только Ирочка распахивает боковые двери, где её уже поджидает исполняющий обязанности грузчика шофёр. Доставляемый в продмаг хлеб всегда в форме кирпича, с хрустящей поджаристой корочкой и пористым воздушным нутром. При нарезке он не сыплется и не разламывается, а при его потреблении нет ощущения неправильности бытия, преследующего в сегодняшней жизни.

Бабушка Тамара складывает купленные буханки в опустевшую к тому времени корзину из-под фруктов, прямо на заложенное журнальной страницей дно, и накрывает их цветастым ситцевым передником. Следом туда же отправляются и другие продукты. В кульках из серой шершавой бумаги обычно рис и длинные твёрдые макароны. Периодически к ним добавляются соль и сахар, весовое монпансье и конфеты «Ласточка». И, конечно же, пара бутылок того самого, любимого бабушкой и сестрой городской девочки, Тамилой, грушевого «алуманата».

Прямо подле Ирочки на прилавке громоздится гора закутанного в толстую бумагу сливочного масла. Большим длинным ножом она отрезает от сливочной горы запрашиваемые куски и, завернув их в такую же бумагу, взвешивает на установленных рядом чутких весах с овально-треугольным измерителем – знаменитым продуктом советского дизайна. Толщина бумажной обёртки привычно вызывает сомнения в правильном определении веса, но сказать что-то Ирочке нельзя. Она абхазка и наверняка чья-то родственница. Да и ведёт себя Ирочка вежливо, и ездит на работу издалека, из соседнего села, а значит, надо делать вид, что всё в порядке.

Вести себя иначе – «пхашьяроп».

«Пхашьяроп» (стыдно) – главное слово, и его постоянно слышат городская девочка и её сёстры в детстве. Стыдно открыто выражать свои мысли, стыдно не встретить как положено гостя, даже если он крайне нежеланный, стыдно громко кричать и смеяться, а ещё очень стыдно не разрешать посторонним тётечкам и дядечкам обнимать и целовать в щёки при встрече, хотя у них часто потные руки и лица, а от Капитона ещё и пахнет вином.

Капитон, правда, весёлый и никогда не сокрушается по поводу того, что у джикирбовцев нет мальчиков, а только девочки.

«Пхащароп, икабымцан» (не делай, это стыдно) – главная фраза в бабушкином лексиконе, её мантра, спрессованный воедино из всего многообразия этикета взаимоотношений между взрослыми и детьми вывод, путёвка в жизнь без защитной оболочки.

Сколько лет понадобилось, чтобы нарастить эту защиту, да кажется, так и не удалось до конца.

Ещё на прилавке всегда деревянные счёты. Ирочка не торопясь и, что называется, «уютно» щёлкает костяшками, складывает многослойные абхазские определения цифр вслух, попутно расчётам успевает отвечать на продолжающие сыпаться вопросы и здоровается с вновь подошедшими покупателями.

Этикет церемониального общения соблюдается только с соплеменниками. Если покупатель не абхаз – Ирочка тоже здоровается, но иначе – с отстранённой, не допускающей сближения сдержанностью. Но с некоторыми из жителей Мюссеры-Мысра она непривычно весела и открыта из-за более тесного знакомства за пределами продмага. Открытость Ирочки придаёт счастливым некий элемент избранности. В советском обществе понятия о сервисе перевёрнуты с ног на голову и продавец почти бог. Перед ним заискивают, его расположения добиваются.

– Как можно терпеть хамство от нижестоящих? – через много-много лет будет вопрошать Алиса Кипшидзе, уже очень почтенная дама с характерной внешностью дочери Израиля и будто пристёгнутой к ней, явно чужеродной фамилией. Алиса – преподавательница английского языка в Тбилисской консерватории, куда городская девочка поступит через много лет после поездок в Мюссеру.

– Элисо, возьмите этот журнал, – говорит она, аристократично грассируя. – Вернёте на следующем занятии. Прочитайте стихотворение, которое они напечатали. Скажу вам по секрету, я страшно удивлена, что его напечатали. Редактор журнала, видимо, очень смелый человек.

Городская девочка забирает протянутый почтенной дочерью Израиля журнал «Юность», где напечатано стихотворение под названием «Заискиваньё». Автор стихотворения – поэт Евтушенко, и ему, видимо, подвластно неподвластное. Печатать, к примеру, такое стихотворение, как «Заискиваньё».

...Заискивает физик – гений века —
Перед водопроводчиком из ЖЭКа.

Заискивает бог-скрипач, потя,
Перед надменной мойщицей мотеля...

Финал стихотворения, по мнению городской девочки, и вовсе великолепен:

Мне снился сон, что в Волге крокодила
Заискиваньё наше породило.

Городская девочка читает довольно длинное стихотворение несколько раз, затем переписывает его в специальную тетрадь с изречениями и стихами.

И думает, думает...
Как можно так написать?
В смысле, так смело...

Журчит передаваемая из рук в руки мелочь, и раздаётся мелодичный звон. Это Ирочка скидывает сдачу в круглую жестяную коробку, лежащую справа на прилавке, и прерванный было круговорот торгового обмена с покупателем продолжается дальше.

У боковых стен продмага в неуклюжем рекламном призыве громоздятся мешки с сахаром и пшеном и большие раскрытые коробки с весовым печеньем и конфетами-монпансье. Конфеты не разноцветные, как в городе, где их продают в круглых жестяных коробочках с нарисованной умелой рукой картинкой, а двухцветные – матово-красные и жёлтые более крупного размера. И вкус у них такой же, как у «алуманата» – настоящий, как и положено натуральному продукту. У городского монпансье в жестяных коробочках вкус такой же, и у сгущёнки, и у сливочного масла, и у небольших плиток шоколада с нарисованными на них лесными орехами, продающихся по страшно высокой цене – один рубль сорок пять копеек. Шоколад и прочие богатства продаются в сухумском гастрономе, прямо по соседству с местом, где живёт городская девочка. В гастрономе нет продавщицы Ирочки, зато есть рыжая тихая абхазка, мать Валеры А., в которого городская девочка успеет страшно влюбиться в возрасте четырёх лет во время пребывания в Ауадхаре, главном абхазском горном курорте.

В одном из мешков с крупами лежит круглая металлическая лопатка с ручкой. С её помощью Ирочка отсыпает заказанный товар в сворачиваемые тут же, на месте, бумажные кульки. Глядя на её ловкие движения, городская девочка мечтает поскорей вырасти, чтобы стать продавщицей. Мечты о будущем, как правило, недолговечны и с каждым годом меняются. То она хочет стать завучем школы, то библиотекарем. Но две мечты не меняются никогда на протяжении многих лет: стать альпинистом и лазить по дразнящим своей могучей недоступностью горам или лётчиком «сушек» с бомборского военного аэродрома.

«Сушки» – неотъемлемая часть деревенской жизни. Пропарывая могучим рёвом воздух, они поднимаются с военного аэродрома Бомбора, что под Гудаутой, и летают над селом по известным только им маршрутам. Полёты происходят круглый год и в любое время дня и ночи. Иногда, в особенности по ночам, рёв настолько силен, что кажется, что «сушка» вот-вот упадёт прямо на крышу дома.

В такие минуты становится по-настоящему не по себе.

Интенсивность полётов бомборских «сушек» разная, но в ней есть и свои закономерности. Как правило, она возрастает либо очень рано утром, либо ближе к вечеру. Иногда полёты продолжаются всю ночь, особенно в праздники, и это наводит взрослых на некоторые не очень корректные мысли о лётчиках и их начальстве.

Днём «сушки» летают низко гораздо реже, зато становится видно сидящих в прозрачном куполе лётчиков в шлеме.

«Хочу быть или альпинистом, или лётчиком», – объявляет родным городская девочка. Папа Аслан усмехается в ответ, а мама Эвелина удивляется выбору и даже тревожится, не подзревая, что самим фактом тревоги возвышает городскую девочку в собственных глазах, ведь далеко не каждый ребёнок хочет стать альпинистом или военным лётчиком. Тем более если этот ребёнок – девочка.

Она ещё докажет всем, что может быть ничуть не хуже так и не родившегося в семье мальчика!

Два последних раза, когда довелось наблюдать бомборские «сушки» в полёте, запомнятся ей навсегда. В преддверии закрытия базы в развалившейся буквально только что стране, прямо

накануне войны выйдет повзрослевшая городская девочка на увитый виноградом балкон деревенского дома и заметит вдалеке одинокую «сушку».

Серебристая птица будет долго летать над далёким морем, выписывать круги и петли, крутиться вокруг оси, падать в пике и взмывать стрелой в небеса, а наблюдающей за ней городской девочке будет грустно и одновременно тревожно.

Что ждёт впереди?

Второй раз городская девочка увидит взмывающую в небеса пару «сушек» уже в начале войны, в момент, когда она будет стоять в размышлениях подле погубившего пансионат «Золотой берег» оползня, в желании перейти его и, пройдя вдоль моря пару километров до трассы, уехать в Гудауту на попутной машине, где она волонтерствует в стихийно возникшем военном пресс-центре. Стоя у подножия оползня, обернётся городская девочка в сторону далёкого бомборского мыса и в абсолютной тишине – звук, как и положено, появится несколькими мгновениями позже – увидит, как взлетают в небеса два хорошо знакомых по детству силуэта. И с практически осязаемой отчётливостью поймёт, что происшедшее со страной и с нею – навсегда. А всё, что было ранее – и воспоминания о солнечном детстве, и мечты, и планы на будущее, сползло в реку времени примерно так, как сползла земля под пансионатом «Золотой берег», и его столетний парк, и белые домики для отдыхающих, да и вся прежняя жизнь.

Походы в Мюссеру-Мысра и Амбару – часть бытового деревенского ритуала и одновременно способ немного заработать, ведь бабушка Тамара всё лето торгует фруктами на импровизированных тамошних рынках. Торгует она и на «Золотом берегу», где внутри роскошного, разбитого ещё в дореволюционные годы парка расположился названный по аналогии со знаменитыми в Союзе тех лет пляжами Болгарии пансионат.

Ещё нет выстроенного по соседству пионерского лагеря «Дзержинец», тут же просто-душно переименованного бабушкой Тамарой в «Заржавец», пока ещё каждое лето на «Золотом берегу» отдыхают немцы из ГДР. Немцы кажутся городской девочке не людьми, а неизвестными науке инопланетными существами. Они громко говорят на непривычном для слуха языке, ходят в необычно ярких одеждах и мажут друг друга на пляже жидким маслом, отчего их тела сильно блестят на солнце и напоминают городской девочке готовую к жарке курочку. Однажды городская девочка замечает, что группа немцев, явно с прогулочного маршрута, едет вместе с ней и бабушкой в рейсовом автобусе из Гудауты, на выходе скидывается за билеты. Альтруистическая, а если быть точнее, ритуальная оплата бабушкой Тамарой проезда встретившихся в автобусе знакомых или родственников – часть жизни городской девочки, поэтому проявление членами немецкой группы столь неприкрытого прагматизма воспринимается ею как вопиюще бесстыдная жадность.

«Жадины, – думает она. – И даже не стесняются показывать, что они жадные».

Многие из немцев носят короткие шорты. В мире закрытости и стеснения, в котором растёт городская девочка, ношение коротких шорт приравнивается чуть ли не к акту прилюдной потери чести, поэтому перешагнувшие почтенный возраст сельские кумушки, в том числе и бабушка Тамара, считают своим долгом периодически вступать с утратившими честь немцами в диалог, имеющий цель вразумить их.

Сценарий отповеди по вразумлению, как правило, примерно одинаков и состоит из двух актов. Поначалу идёт лицемерное восхваление внешних данных утратившей честь немки. Оно преследует определённую цель – усыпить бдительность жертвы. Затем начинается основная часть, в которой, собственно, обличается грехопадение жертвы и преподается урок морали.

– Такая красивая, такая молодая, – светским тоном начинает издали бабушка Тамара.

Сопровождающий заявление о красоте и молодости жертвы красноречивый жест и широко распахнувшиеся в мнимом восторге глаза подтверждают прозвучавшее в словах восхищение, и обладательница коротких шорт, ещё не подозревая, что её ждёт, радостно кивает головой.

– А почему, если такая красивая, носишь такие штаны? – с участливой заботой вопрошает бабушка, указывая на оголённые ноги жертвы. – Нельзя так одеваться, чтобы ноги голые, почему так одеваешься?

Если немка не понимает или делает вид, что не понимает смысла её слов и красноречивых жестов, голос бабушки звучит громче, жесты начинают подозрительно напоминать размахивание руками и одновременно служат сигналом для остальных.

– Как не стыдно, – вступает в бой тяжёлая артиллерия в виде торгующих кумушек. – Такая красивая, такая молодая, а ноги голые. Иди юбку надень или иди отсюда, и чтобы духу твоего здесь не было!

– Йа не понимайт, – лепечет в ответ подвергшаяся остракизму немка в попытках остановить самым фактом своего непонимания поток обрушившегося на неё гнева. – Йа не понимайт по-русски.

– Иди, иди, – кричат проповедницы, подзадоривая друг друга единством коллективного порыва. – Она не понимайт. Вот и не надо здесь ходить!

В дни походов вставать приходится рано, ещё до восхода солнца. На светлеющем небе здороваются с постепенно восходящим солнцем утренняя звезда, неумолимо окрашиваются в нежнейшие оттенки розового золота вершины гор, машет хвостом провожающий до ворот пёс. От обильно выпадающей к утру росы быстро влажнеет обувь.

Большая корзина с фруктами – в ней не меньше сорока килограммов – устанавливается бабушкой Тамарой на собственное плечо с четвёртой ступеньки ведущей в каштановый дом каменной лестницы. Ступенька примерно на уровне плеч, и с того момента, как корзина с товаром оказывается на спине, бабушка уже не разговаривает и не останавливается. Тяжесть ноши диктует свои правила поведения, ведь её предстоит нести к морю по каменистому и местами сыпучему грунту лесной дороги примерно три километра.

По пути к бабушке присоединяются другие женщины – каждая со своей ношей. Обычно это уже взрослые, обременённые детьми или внуками, как в случае с бабушкой Тамарой, кумушки. Но не только. Попадают в утренних походах и женщины помоложе, из невесток, и девицы на выданье, или, как их именуют в селе, «незамужние».

«Незамужние» не надевают косынок и передников и носят на продажу только небольшие корзинки или сумки. Их цель – быстро продать фрукты или овощи, затем пройтись по окрестностям, заглянуть к поселковым подругам, поболтать и пострелять глазами в сторону местных или пришедших тем же путём, что и они, но отдельно от общей группы женщин сельских молодцев.

Мужчины из окрестных сёл никогда не торгуют на рынках, если, конечно, это не Пицунда. Торговать в Амбаре и Гудауте считается у них «пхашьяроп».

Среди «незамужних» Рита – одна из многочисленных ранних любовей падкой на красоту городской девочки. Рита очень хороша собой, она с красивым овалом лица и чётко очерченными припухлыми губами. Верхняя губа всегда немного приоткрыта, и за нею виднеются крупные белые зубы. Когда Рита улыбается, на её щеках появляются ямочки. У Риты круглая голова, тёмно-русые, заплетённые в толстую косу волосы, длинная тонкая шея и высокий круглый лоб с ранней мимической морщиной. Морщина не заметна, когда Рита молчит, но проявляется при разговоре. Городская девочка ловит себя на мысли, что в такие минуты Рита

кажется ей постаревшей. Она худа, что не в чести у местных, у неё карие продолговатые глаза, густые коричневые брови вразлёт и мило вздёрнутый нос, делающий лицо похожим на русское.

Похожесть не случайная: мама у Риты русская, что в селе всё равно что инопланетянка. Бабушка Тамара шёпотом рассказывает городской девочке, что отец Риты, которого зовут популярным в сельской Абхазии тех лет именем Родион, в армии женился на русской девушке, но семейная жизнь не сложилась, и он вернулся домой без жены, зато с ребёнком на руках. Как и почему русская мама отказалась от Риты, бабушка не знает или не хочет говорить. Может быть, она даже умерла, как подозревает городская девочка, хотя судьба исчезнувшей матери в жизни Риты значения не имеет. Она с пелёнок считает себя чистокровной абхазкой.

– Бабуля, а правда Рита красивая? – пристаёт к бабушке городская девочка, ожидая услышать положительный ответ.

– Аурыс пшра лымоуп дыюздза (На русскую похожа, долговязая), – слышит она в ответ.

В качестве примера красоты бабушка Тамара тут же указывает городской девочке на сводную сестру Риты, которая младше неё на полтора года, поскольку по возвращении домой Родион по семейному решению сразу же женится на абхазке в целях исправления оплошности армейской юности. Да и за привезённым ребёнком некому смотреть, и очень скоро у Риты один за другим появляются сводные сестра и два брата.

Городская девочка остаётся в большом недоумении от выбора бабушки. Сводная сестра Риты маленькая и полная, у неё водянистые блекло-голубые глаза, нос картошкой, короткие и полные, в отличие от длинных и стройных ног Риты, ноги и слишком, по мнению городской девочки, выпячивающаяся назад попа.

Даже блондинистые выющиеся волосы, забранные во взрослящий их обладательницу пучок, и очень светлая, в отличие от более смуглой у Риты, кожа не могут исправить впечатления.

– Бабуля, что ты такое говоришь? – возмущается выбором бабушки городская девочка. – Она же совсем некрасивая!

– Хе, – с выразительной гримасой выдыхает бабушка, вкладывая в короткий возглас всё своё отношение к странным критериям красоты у городской девочки. – Ничего ты понимаешь. Нос вверх торчит – что тут красивого?

– Это ты не понимаешь! – почти со слезами на глазах защищает свои идеалы городская девочка.

– Да-да, я не понимаю, а ты понимаешь, – философски замечает бабушка, оставляя городскую девочку в одиночестве переваривать отсутствие единства с ней в эстетических представлениях о прекрасном. К тому же бабушка в принципе не любит праздных разговоров, если это не разговоры с Цацикуа, её давней подругой с одного из соседних подворий.

Разница вкусов проявляется не только в отношении Риты, но и при оценке невестки могучего сельчанина Мурада, поскольку сын Мурада Ванта – идеал мужской красоты для городской девочки.

Стройный, с чёрными прямыми густыми волосами, белоснежной, выдающей нехарактерное для сельчанина редкое пребывание на солнце кожей, яркими бархатными глазами и точёным носом, Ванта красив как бог, и городская девочка часто караулит по утрам подле верхней калитки в ожидании его появления. Если же она замечает, что Ванта идёт мимо, она срывается с любого уголка обширного двора-ашта и бежит к живой изгороди, чтобы сполна насладиться мужской красотой.

– Бабуля, а с кем это ты сейчас разговаривала? – спрашивает городская девочка, с полчаса наблюдающая, как бабушка Тамара общается за калиткой с незнакомой женщиной с большим носом и кажущимися маленькими на его фоне глазами.

– Невестка жибовцев, – лаконично отвечает бабушка, устремляясь домой с полными ведрами воды, которые перед случайной встречей несла с колодца.

– Каких жибовцев? – не отстаёт городская девочка, и вдруг страшная догадка заползает в её одурманенную многообразием мыслей голову: – Это что, Вантына жена?!

– Да, – доносится до неё из-за спины.

Бабушка спешит, у неё всегда много дел, а светский разговор с невесткой жибовцев и так отнял почти полчаса времени, поэтому у городской девочки практически нет шансов на обсуждение.

– Она же старая, – догоняя бабушку, почти плачет городская девочка. – И у неё нос большой!

Бабушка останавливается, ставит вёдра на землю и, выразительно гримасничая, осаждает городскую девочку.

– Так больше не говори! Вдруг услышат!

– Но, бабуля...

– Очень даже красивая, и уже мальчика родила, и скоро ещё родит. Не видишь, беременная!

– Подумаешь, родила? Надо было на Ванте Риту женить!

– Беилагама?! (С ума сошла?!) – восклицает бабушка. – Рита тоже Жиба фамилию имеет!

Больше городскую девочку бабушка не слушает. При чём здесь красота вообще? Красота – это способность родить наследника. Что бы она хотела, если бы её единственный сын женился на женщине, способной родить сына. Что бы она ещё хотела.

– Исыбаргыиз (Что бы я ещё хотела), – бормочет под нос бабушка, удаляясь в сторону дома.

Дорога в Мюссеру имеет одну особенность. По пути к морю она быстрая, хоть и покрыта довольно крупными камнями из местного известняка. Последний участок маршрута – вообще сплошное удовольствие, так как проходит по дну глубокой, густо заросшей лесом ложбины, вдоль речки с очень чистой и очень вкусной водой. Из-за переплетённых крон деревьев в ложбине практически не бывает солнца и там тихо и прохладно даже в самый жаркий день, отчего на душе, как правило, наступает покой. Настроение тут же поднимается, выравнивается сбившее тяжёлой дорогой дыхание, и почему-то хочется петь или рассказывать невероятные истории.

Несущие тяжести женщины обычно устраивают возле речки короткий привал. Скидывают корзины с натруженных плеч, присаживаются на корточки или прямо на покрытую мшистой травой землю, поправляют сбившиеся косынки, оживлённо разговаривают друг с другом. Слышится смех. Отдохнув, многие из них умывают разгорячённое ходьбой лицо в холодных водах речных притоков, затем, помогая друг другу, закидывают на плечи ношу и, перекинувшись несколькими короткими фразами, идут дальше.

Обратная дорога домой, наоборот, долгая и изнурительная. Она идёт всё время в гору, камни превращаются в сплошное остроугольное препятствие, по времени уже глубокий день, а основная часть пути приходится на открытые участки, залитые палящим послеполюденным солнцем, на котором греют свои спинки юркие, снующие по камням ящерицы.

На обратном пути бабушка Тамара всегда спешит.

– Давай, давай, – подгоняет она, не обращая внимания на хныканье сестёр. – Аамта сымадзам, аускуа сымажьуп (Времени нет, дел полно).

В самой Амбаре прекрасно всё: и древние развалины с остатками крепостной стены – свидетели давно ушедших эпох, и покрытый ковром из водорослей, усеянный большими мши-

стыми валунами пляж, и обширные лесные прогалины, на которых стоят вереницами остроугольные домики детского лагеря.

Но сельским не до красот. Их цель – побыстрее продать товар. Желательно до двух часов дня, потому что в два часа в лагере наступает «тихий час». Да и домой, где полно упоминаемых бабушкой дел, надо попасть засветло. Корову подоить, покормить птицу и собак, успеть фрукты к завтрашнему походу собрать, внучек выкупать в жестяной лохани и сделать им ужин. А на огороде опять сорняк пробивается, значит, надо успеть и тяпкой помахать...

Огород-огород, упругие тела болгарского перца, небольшие ярко-красные помидоры, жгучий даже на взгляд абхазский перец, из которого, высушенного на солнце и завязанного причудливым кроваво-красным каскадом, бабушка сделает зимой суровую гудаутскую аджику – крупная соль, перец, немного сухой кинзы, никаких иных специй, здесь вам не королева столов, Мингрелия, где над едой колдуют. Здесь и вареники величиной с ладонь, и ореховая подлива лишь напоминает то, чем должна быть на самом деле, и мята не в чести, а значит, и молодой сыр не подаётся к столу в мятном соусе с причудливым названием «гебжальпир куаль» или просто «гебжьалиа», и даже лепёшка-ачашв (хачапури) толстая и с сахаром, что всегда поражает городскую девочку до глубины души. Зато кольраби-ахул засаливается так, что превращается в изысканное блюдо, мясо деревенской птицы, бегающей по двору и поедающей травку и мелкие камешки, вкусно-жгуче из-за собственного аромата и аджики, а молодой сыр жарят с той же аджикой в нерафинированном (другого – пальмового, суррогатного – ещё нет) подсолнечном масле и едят с пышным гудаутским хлебом, обмакивая его в упругую тянущуюся массу.

Покрытые пушком нежно-салатовые огурчики, наскоро сорванный, слегка ополоснутый колодезной водой и заброшенный в урчащее чрево котелка пучок зелени – пиршество вкуса и духа, сладкий дурман детства, не истреблённые никакими ресторанными изысками воспоминания.

Папа Аслан складировает влажные от субтропических зимних дождей и прихваченные декабрьским холодом яблоки в амбар, перекладывает их листьями папоротника и возит частями в город, где семья ест пахучие, насыщенные влагой и глюкозой плоды аж до апреля.

Радуют глаз и возбуждают аппетит красная и зелёная алыча и белая сдвоенная слива, из которой получается сумасшедшее варенье и которой тоже уже нет или почти нет в абхазских сёлах. К августу поспевают орех-фундук, а начиная с июля на всех деревенских обочинах пестрит иссиня-чёрными россыпями на колючих упругих ветках-присосках ежевика.

Деревья манят городскую девочку сюжетами игр на толстых гладких ветвях, летают в поисках крошечной жужжащей еды стрижи и ласточки, с гудением носятся в вечернем воздухе перламутровые стрекозы, а в дупле огромного шишастого граба, растущего на обочине дороги, в одно лето поселяются не менее огромные и очень красивые шмели. Гнездо приходится уничтожить после того, как шмелиная пара в буквальном смысле слова нападает на Тамилу, сестру городской девочки. Нападение происходит глубокой ночью, во сне. Один из шмелей жалит Тамилу в голову дважды, возможно, в нападении участвует и второй, во всяком случае, его обнаруживают тут же, на подушке, разбуженные истошным криком пострадавшей взрослые.

В доме начинается переполох, бегают с керосиновыми лампами в руках мама и бабушка (в те времена в селе ещё нет электричества), ищет возможно притаившихся в темноте ещё шмелей папа, громко плачет искусанная Тамила. Но никакие крики и шум не способны разбудить набегавшую за день городскую девочку, и она крепко спит там же, рядом. И услышит о страшных подробностях ночи лишь наутро, одновременно с недоумениями взрослых по поводу её вселенского равнодушия и столь же масштабной обидой сестры: это надо же, даже не проснуться, когда все кричат и бегают вокруг.

– Меня ужалил шмель два раза, а ты даже не проснулась, – со слезами обиды в голосе упрекает городскую девочку Тамила.

Городской девочке очень стыдно сознавать собственную чёрствость, и одновременно она удивлена, что сестра жива и здорова, когда, как минимум, должна была попасть в гудаутскую больницу, а может быть, – о ужас – даже умереть, как это случилось с неким мальчиком из тут же названной бабушкой Тамарой фамилии.

А ещё, несмотря ни на что, ей страшно жалко шмелей, поскольку папа тогда же, ночью, уничтожает их гнездо.

Рецепт уничтожения прост и известен сельским испокон века. Нужно засунуть в гнездо пропитанный маслом или бензином подожжённый факел и буквально выжечь им содержимое дупла.

Выжигать гнездовье в итоге придётся несколько раз, поскольку шмели упорно возвращаются и селятся неподалёку. Они сдадутся в предсказуемо проигрышной схватке с человеком за территорию лишь после того, как спилит шишастое дерево некий деревенский доброхот.

В Амбаре дети отовсюду, со всего Союза, но городская девочка выделяет именно тех, кого привозят из грузинской глубинки. И выделяет потому, что дети из Грузии совершенно не говорят по-русски, что, по мнению городской девочки, выглядит странно. В родном Сухуме (тогда ещё Сухуми) грузинские дети, как правило, владеют русским, особенно те, кто учится в русских школах. Даже соседи городской девочки по двору, чьи родители приехали жить в Абхазию совсем недавно из Зугдидского района или из Кутаиси и Сенаки (тогда Цхакая). Ломано, но быстро соседи осваивают русский, чему немало способствуют дворовые игры, в которых городская девочка уверенно чувствует себя лидером, поскольку старше остальных по возрасту, к тому же её голова всегда полна игровых сюжетов.

«Как можно совсем не говорить по-русски? – думает городская девочка, глядя на грузинских детей в лагере. – Это же так неинтересно».

Русский язык – главный в жизни городской девочки. Он повсюду. И в библиотечных книгах, ведь мама городской девочки тогда ещё работает библиотекарем, а не учителем, как будет позже, и в городском дворе, и на улицах, и на набережной, где можно покушать мороженого в кафе гостиницы «Абхазия», именуемого в народе по-своему – «Под Абхазией», и на загородных дорогах, и в рейсовых автобусах и электричках. И хотя городская девочка часто слышит от мамы, что надо учить абхазский, она не обращает на это особенного внимания, поскольку владение родным языком ещё не успело войти в основную систему ценностей её находящегося на ранней стадии национального сознания. Да и сельские при общении с городской девочкой почему-то переходят на русский. На русском же общается с сёстрами и бабушка Тамара.

– Мама, почему вы не говорите с девочками по-абхазски? – часто слышит городская девочка полные скрытого возмущения вопросы мамы к бабушке Тамаре во время её кратких летних визитов из города. – Они всё лето в деревне, могли бы уже овладеть родным языком в совершенстве.

Бабушка на возмущения мамы обычно никак не реагирует. Разве что произнесёт для вида пару фраз на абхазском, обращаясь к внучкам, и вновь переходит на русский.

Какая разница, на каком языке говорят девочки. Вот если бы они были мальчиками...

Жизнь в лагере подчинена строгому распорядку, удивляющему городскую девочку своей непривычной для неё демонстрацией коллективной вовлечённости в одно общее дело.

«Курадгеба, курадгеба! Пирвели разми вицвевт сасадиллоши!» (Внимание, внимание, первому отряду пройти в столовую!) – периодически грохочет на грузинском усиленный динамиком женский голос, и дети из Грузии группами и поодиночке направляются в сторону выстроенного неподалёку от остатков крепостной стены здания. Затем в динамиках грохочет голос, приглашающий уже на русском. Вскоре на всей территории наступает относительная тишина, сменяющаяся на практически полную во время «тихого часа».

Городской девочке ужасно хочется ходить в столовую вместе со всеми и вообще ходить, как и они, в пионерских галстуках, и жить в маленьких домиках с остроугольными крышами. Однако самое понятие «пионерский лагерь» в семейном лексиконе отсутствует напрочь, и не только по малолетству сестёр, а в принципе.

В семье не принято отпускать детей в лагерь. Зачем лагерь, когда есть деревня, и вообще, девочкам из абхазской семьи вовсе не обязательно находиться где-то без родственного призора.

Неприятие лагерной формы досуга будет нарушено в семье лишь однажды, через много лет, когда в пионерский лагерь в районе Приморской (недалеко от Нового Афона) после долгих раздумий и семейных совещаний на целых две недели отправят отдыхать народившуюся в тщетной попытке обрести наследника и подростку к тому времени третью сестру, Жанну.

– Чапа, а вы в лагере не дерётесь? – спрашивает младшую, обращаясь к ней по-домашнему, папин шофёр Тамаз, когда семья приезжает навестить её в воскресный день.

– Нет, за нами следят, – мимоходом сообщает младшая, одной фразой приоткрывая перед родственниками завесу суровых лагерных порядков, явно идущих вразрез с её привычками, и мама с папой и старшие сёстры смеются в ответ, а громче всех смеётся Тамаз.

В преддверии «тихого часа» бабушка Тамара подхватывает опустевшую корзинку и ведёт городскую девочку и её сестру на море. Там бабушка отпускает сестёр купаться, сама же степенно переодевается в похожий на мужскую одежду купальник. Он чёрного цвета с красными окантовками по краям. Такие надевали в тридцатых годах, и они есть на многочисленных фотографиях из семейного альбома.

Бабушка может позволить себе надеть купальник подобной давности из-за того, что за прошедшие с далёких времён годы не изменилась вовсе, если не считать прибавляющихся с каждым годом морщин на когда-то белом, но потемневшем от солнца лице. Жилистая, вся из мускулов, с крепкими ногами мастерицы лазать по самым сложным деревьям, бабушка напоминает спортсменку на пенсии и подтверждает это впечатление крепчайшим здоровьем и какой-то фантастической, выливающейся в чемпионское по масштабности трудолюбие энергией.

– Что это значит «голова болит»? – недоумевает она, глядя на перевязанную в случае приступа мигрени голову мамы Эвелины. – Я даже не понимаю, как это, когда голова болит. У меня никогда не болела.

– Бабуля, а ты когда-нибудь умрёшь? – спрашивает бабушку Тамила.

– Конечно умру, куда я денусь... – философски усмехается бабушка.

– А где тебя похоронят? – не унимается Тамила.

– Подле ног Гугуши (умерший в юности старший сын бабушки Тамары) пусть положат меня, проклятую, – коротко вздыхает бабушка.

Она там и лежит – на полузаброшенном семейном кладбище, у ног старшего сына, как просила всю жизнь. Даже тогда, когда затуманит её разум старческий склероз, она не забудет своей главной просьбы.

Семейные могилы – на тишайшем пригорке. Видна с него окаймлённая густой зеленью кромка моря, и жужжат летом над трепещущим на ветру ковылём неутомимые пчёлы.

Купание, как всегда, чудесно. Прозрачная и ласковая морская вода светится солнечными бликами, на дне играют в свои игры стайки крошечных рыбок, на покрытых водорослями камнях-валунах скользко стоять. Привыкшее к играм воображение рисует красочные фантазии с участием внезапно появляющегося в небесах вертолѐта, жаждущего похитить прекрасную принцессу, то бишь городскую девочку, и увезти её куда-то, где ждѐт её сказочное счастье.

Через много-много лет, в такой же умытый солнцем и синькой неба августовский день, будет стрелять в городскую девочку из установленного в открытом вертолѐтном чреве станкового пулемѐта темноволосый бородач в камуфляже.

«О, а вот и он – прекрасный принц из твоего детства», – горько усмехнѐтся она.

– Идѐм-идѐм, а то хлеб кончится, – произносит бабушка Тамара магическую по силе воздействия фразу, и сѣстры бегут по пологим дорогам Амбары к виднеющемуся за развалинами храма выходу с территории пионерского лагеря.

Идти до Мюссеры-Мысра – километра полтора, не более. И вроде бы легко из-за того, что путь лежит по прямой асфальтированной дороге, где по тем временам почти не бывает машин. И одновременно трудно из-за заливающего дорогу именно на этом участке солнца. Из-за монотонности движения дорога кажется бесконечной, нагретый асфальт жжѐт подошвы стареньких сандалий, хочется есть и пить, а разговаривать громко, а тем более петь или смеяться бабушка запрещает, потому что это «пхащяроп», хотя вокруг никого нет.

В растущих у обочины кустах можно обнаружить спеющие всё лето ягоды ежевики, и сѣстры то и дело отстают, торопливо срывают с колючих длинных ветвей мгновенно окрашивающие пальцы в характерный цвет иссиня-чѣрные вкусные шарики, отправляют их в жаждущие еды и тоже уже окрашенные в чернильно-лиловый цвет рты и жмурятся от удовольствия и желания отведать ещё.

В один из таких походов городская девочка замечает большую пѣструю змею, медленно ползущую через дорогу. Змея на охваченную экстазом восхищения и страха городскую девочку никакого внимания не обращает, и тогда у неё появляется возможность исполнить давнее желание: рассмотреть пресмыкающееся близко, не умирая при этом от застилающего разум и сковывающего тело страха. Подобравшись сзади, городская девочка приседает на корточки и до тех пор разглядывает жѣлто-чѣрную окраску змеиной шкуры и подрагивающий в такт причудливым извивам тела хвост, пока его обладательница не исчезает в придорожных кустах навсегда.

– Бабуля, бабуля, я видела змею! – кричит потрясѣнная собственной смелостью городская девочка, догоняя удалившуюся на некоторое расстояние бабушку.

– Я тоже, – распахивает полные страха глаза Тамила и бежит вперѣд, подальше от ужасного змеиного места.

– Бабуля, там змея! – продолжает городская девочка в тайном предвкушении решительных действий со стороны бабушки, известной в селе своей смелостью в обращении со змеями.

– Боюсь, – со слезами в голосе паникует Тамила.

– Идѐм-идѐм, – равнодушно подгоняет городскую девочку и её сестру не поддавшаяся на призывы бабушка. – Не будете слушаться, змея вас покусит.

– Не покусит, а укусит, – назидательно поправляет бабушку городская девочка.

– Ай-ай (Подумаешь), – снисходительно соглашается бабушка, не сбавляя быстрого шага.

В один из походов в Амбару бабушка Тамара ведѣт городскую девочку в вытянутый вверх трѣхэтажный дом с фронтоном, явно выстроенный ещё на заре века для обслуживающего тогдашних заезжих аристократов-дачников персонала. Дом стоит на пригорке, у него белые стены, тѣмный подъезд с дверью ярко-синего цвета и деревянная лестница со скрипучими сту-

пенями. Бабушка и городская девочка поднимаются на третий этаж и проходят по дощатому коридору к раскрытой настежь двери, откуда по всему подъезду разносится оглушительный запах жареной рыбы.

Городская девочка долго ждёт, пока бабушка наконец сторгуется с очень толстой чёрной гречанкой, продающей выловленную пару часов назад барабульку.

Рыба у сельских не в чести, она не входит в основной рацион сельского питания, то ли по причине отсутствия навыков её ловли, то ли из-за того, что море от Апцхва довольно далеко. Рыбачат на побережье, как правило, греки, они же и потребляют рыбу в качестве основной пищи. И они же невольно, но неуклонно приобщают к ней сельских, периодически продавая им улов. Бабушка Тамара хоть и вкусно готовит, помимо традиционной мамалыги с фасолью, мясной соус с картошкой и рисовую кашу, тоже не считает рыбу основной пищей и покупает её примерно раз в сезон, не чаще, хотя, по собственному признанию, любит её и всегда ест на похоронах, где рыба подаётся к поминальному столу в качестве обязательного блюда.

Равнодушна к рыбе и городская девочка.

Большая комната гречанки забита вещами и заставлена посудой и ящиками. Чтобы развлечь себя в томительном состоянии ожидания, городская девочка принимается изучать неуютную хаотичность обстановки. В комнате всё смешано в кучу – и парадное и интимное, тут же находится отведённое под кухню пространство, здесь же явно спят, а может, и нет, потому что спать на таком заваленном вещами диване, по мнению городской девочки, категорически нельзя.

У толстой гречанки обнаруживается высокая худая дочь с большими глазами навывкате, очень смуглой кожей и иссиня-чёрными волосами. На вид ей не больше шестнадцати, но городской девочке она кажется уже очень взрослой. Дочь гречанки стремительно заходит в комнату и, не обращая никакого внимания на посетителей, сразу же начинает жарить для себя яичницу-глазунью из нескольких яиц, чем сильно удивляет городскую девочку, полагающую, что ничего, кроме рыбы, толстая гречанка и её домочадцы есть по определению не должны. Приготовив яичницу, дочь толстой гречанки переставляет сковородку на деревянную поверхность приспособленного под кухонную поверхность ящика, садится перед ним на неустойчивую колченогую табуретку и с аппетитом съедает приготовленное блюдо с куском белого хлеба.

Городская девочка смотрит, как ест дочь толстой гречанки, и вновь удивляется – на этот раз равнодушию дочери толстой гречанки к факту пребывания в доме посторонних людей.

«Мы тут сидим, а она тут ест, – возмущается про себя городская девочка, вдыхая невыносимо завлекающий запах яичницы. – Фу, невоспитанная».

В знак протеста она больше не смотрит в сторону худой дочери гречанки до самого конца своего пребывания в заваленной вещами комнате.

Недовольна визитом и бабушка Тамара.

– Не буду больше у гречанки покупать, – бурчит она на обратном пути. – Всегда брала два рубля, а сейчас взяла три.

Мюссера-Мысра и Амбара – сакральные места для семьи Джикирба. Именно здесь, ровно посередке между ними, на отвоёванной у леса прогалине, находилась дача княгини Лакербай, о которой городская девочка слышит от бабушки и родителей с детства. Выстроенный в классическом, характерном для русских помещичьих усадеб стиле дом с колоннами в преддверии революционных событий выкупил у княгини дед городской девочки. В каштановом деревянном доме бережно хранится оформленная по всем правилам тогдашнего времени купчая, точнее, не сама купчая, а её тогда же, в дореволюционное время, написанная каллиграфическим почерком писаря копия. Судьба подлинника и копии печальна. Оригинал, хранящийся

в Сухумском государственном архиве, сгорит вместе с остальными документами во время грузино-абхазской войны, а копию папа Аслан ещё до войны отдаст известному в Абхазии краеведу по просьбе последнего. Краевед её не вернёт, и купчая так и сгинет в недрах архива его семьи. Купленный же дедом княжеский дом вместе с обширными сельскими землями в двадцатые годы экспроприируют большевики, и он то ли сгорит в пламени тех лет, то ли будет снесён так, что от него останутся лишь угасающие за ненадобностью семейные воспоминания.

Уже в перестройку загремят в окрестностях Мюссерского мыса взрывы, и неподалёку от сталинской дачи построит летнюю резиденцию первый и последний президент Советского Союза Горбачёв. Но ни он, ни его жена, по желанию которой, как гласят местные легенды, выстроена на абхазском побережье летняя резиденция, так и не успеют в ней пожить.

В компании с папой, мамой и сёстрами побывает однажды на горбачёвской даче и городская девочка. В один из летних дней заедут они в Апцхва на подворье, а уже оттуда, охваченные ностальгическим порывом, решат проскочить в Мюссеру-Мысу, где состоящая из сельских охрана впустит папу на огороженную коваными решётками и залитую бетоном территорию и разрешит заглянуть вовнутрь.

Дом городской девочке не понравится вовсе. Комнаты покажутся слишком большими и неудобными, мебель странной, кованая люстра в виде виноградной лозы работы Зураба Церетели втиснутой в несоразмерно узкое пространство, а пустой бассейн, в противоречие пафосу замысла, небольшим.

– Ну и ну, – пожмёт она плечами, выходя из полумрака пустого помещения на солнечный свет.

Совсем другое впечатление произведёт на неё покрытый мелкой галькой пляж и прорытый сквозь скалистый холм тоннель с проложенной внутри него узкоколейкой. Сёстры пройдут сквозь тоннель до конца, с обратной стороны скального отверстия обнаружат обрыв с недостроенным железным скелетом лифтовой шахты и долго будут наблюдать, как на почти двадцатиметровой глубине от вырубленного в камне отверстия воюют в вечной борьбе с каменной громадой морские волны.

Подле небольшого деревянного причала, выстроенного вдоль искусственной бухточки, к которой сёстры пройдут после выхода из шахты, они увидят яхту с пышным названием „Queen Mary» и услышат от охраны, что принадлежит она не Горбачёву, а в полной мере усвоившему новые постперестроечные реалии криминальному авторитету из Гудауты.

Подивившись умению некоторых мгновенно ориентироваться в происходящих в стране изменениях, сёстры поднимутся по тенистым дорожкам вверх, в гору, где в многочисленных аллеях обнаружат аскетичный сталинский дом, который оглушит их холодом эпохи страхов и подозрений и долго будет преследовать в виде назойливого воспоминания их удаляющийся по дорожному серпантину автомобиль.

Доведётся городской девочке побывать на горбачёвской даче и ещё один раз. Оттремит к тому времени война, канет в небытие пионерский лагерь, сползёт в море прекрасный парк пансионата «Золотой берег», опустеет деревенский дом. В криминальной разборке погибнет гудаутский авторитет, а никому не нужная яхта то ли случайно, то ли преднамеренно затонет в бутылочной воде искусственной бухты, и городская девочка долго будет разглядывать сквозь мутную зелёную толщу её неумолимо ржавеющий корпус. Потемнеет от времени латунь церетелиевской люстры, поселится в гулких комнатах неизбежный для нежилых помещений запах тлена, проржавеет притулившаяся к каменной груди утёса недостроенная лифтовая шахта.

Дача Горбачёва жива по сей день, и молодое абхазское государство, подчиняясь естественному ходу истории, выстраивает на ней новые порядки.

«Эпоха перемен», – философствует городская девочка.

Спешит городская девочка вслед за бабушкой Тamarой по каменистым тропам Мюссерского леса. Надо поскорей добраться домой, с аппетитом съесть намазанный маслом и посыпанный сахаром ароматный кусок продамаговского хлеба и продолжить чтение занимательной биологии, в которой есть удивительные факты из жизни обыкновенной стоячей воды.

Ближе к ночи, после игр и многочасовых чтений, городская девочка садится на маленькую деревянную скамейку посреди покрытого травой и полевыми цветами двора и, задрав голову вверх, ищет в причудливом великолепии ночного апцхвинского неба любимые Плеяды.

Учащается биение сердца от звука далёкого автомобиля.

Может, это мама приехала из города?

Мои большие деревья

Абхазия времён детства городской девочки – не только автономный ребёнок сталинской семьи народов, но и вавилонское средоточие национальностей, настоящий слоёный пирог из сёл и городов, удивительное по содержанию и живости впечатлений соединение.

У пирога сложная начинка и хрустящие края. В нижней части царят горизонтальные связи и смешиваются семьи и традиции, верх венчает партийная пирамида. Она шелестит шёпотом и слухами, жёстко иерархична и снизу доверху пронизана многоступенчатыми лестницами, совсем как в сюрреалистическом мире Моритца Эшера, где всё идёт по раз и навсегда установленному кем-то невидимым порядку и нет выхода никуда и ниоткуда.

Абхазский пирог – ещё и несколько центров-вишеноч, отличающихся друг от друга настолько, насколько могут отличаться галактики в Великой Пустоте Большого Космоса. То есть всем: формой, содержанием, масштабами и метафизическими расстояниями смыслов.

Как и их космические тёзки, абхазские «галактики» похожи структурно, но на деле очень разные, и три из них оставили след в душе городской девочки навсегда.

Первая, конечно же, «галактика» Гудаута.

Гудаута центристична, вроде раковины с узким гулким выходом, и полна неразборчивой архитектоники, отчего вибрирует на низких частотах гудящим однообразным звуком. Ещё она зациклена на себе, поэтому с трудом и нежеланием вбирает новое и ещё трудней расстаётся со старым, поклоняется священной кузне и уже успела отравиться первыми в позднем советском времени всходами наркотрафиков.

Галактика вторая – Очамчира.

Очамчира в противовес Гудауте центробежная. С рукавами-вихрями и мингрельско-абхазско-турецко-греческо-армянской разноголосицей, она соревнуется сама с собой и в пышности похоронных процессий, и в изобильной вкусоности столов, и в громаде каменных домов местных богачей: все известны наперечёт, и все почётные гости – что на свадьбах, что на похоронах. Это скорей даже не соревнование, а настоящая гонка – в красоте жилищ и нарядов и в строгой регламентации выходов в город, на мероприятия или на пахнущую соснами набережную, откуда в сильные шторма на целый квартал вглубь города заглядывает гуляющее в те годы на привольных просторах море.

Есть и другие «галактики», помельче: Ткварчели (Ткварчал), Гагра, Пицунда, Гали (Гал). Возможно, они не столь колоритны, зато каждая обладает набором индивидуальных качеств и заслуживает отдельного разговора. Тихого и степенного, в долгом бдении над сменяющимися друг друга чашками ароматного кофе.

Самая крупная из абхазских галактик, как в целом, так и по степени глубины оставленного в сердце городской девочки следа, это конечно же, столица республики, порт, место демонстраций и смотров, концертов и спортивных состязаний. В Сухуме (тогда ещё Сухуми) всё не просто так, там всё со значением: в шаге от моря бассейн с морской водой, ракушка ресторана встроена в развалины средневековой крепости, а по набережной днём и ночью дефилируют группами и семейными парами представители разношёрстной сухумской публики. Встают к причалу дразнящие воображение круизные лайнеры. В закутках главного в городе проспекта Мира и во многих других, малозаметных, но известных всему городу местечках правят подпольным миром местной ювелирной экономики колоритные персонажи и знатоки – Борода (Абрамов), Мошка (Мошиашвили), Ваню (Сангулия) и Сергей (Аветисян). Цехами пошива одежды и обуви заправляют Васо Хубелашвили, братья Шаташвили, многие

из семьи Ефремашвили и целая когорта сухумских армян. За поставки мяса отвечают Муджа и Хвихви Цулая.

Работает и мелкий частный бизнес. Крепкие матерчатые пакеты с надписью «Сухуми» и изображением обитающих в Сухумском питомнике обезьян учёного Лапина, тапочки, бигуди, значки, чеканка и в особенности бижутерия из мельхиора и латуни, со стилизованными под полудрагоценные камни перламутровыми вставками и искусственной бирюзой – всё это производится в многочисленных сухумских подворотнях, полуподвальных помещениях и цехах без вывесок, с домашнего вида геранью на узких подоконниках застеклённых фасадов.

Со всего советского юга, и не только, едут в Сухуми за этим невиданным товаром граждане и гражданки. Городскую девочку удивляет их страсть к продукции сухумских подпольщиков, ведь ей как раз она совсем не нравится. Кажется беспомощной и бедной. Ещё удивляют женщины из многочисленных экскурсий. В них нет расслабленности местных, они скоры и напряжены, к тому же они не бреют ног и, как подозревает городская девочка, подмышек тоже, зато любят мелкую химическую завивку и голубые сухие тени.

Ещё удивительней смотрятся сопровождающие крепконогих небритых женщин мужчины. В носках и босоножках советского производства, бедных и тоже некрасивых штанах и куцых куртках, зато с женскими сумочками или пакетами в руках, которые они в подавляющем большинстве носят за своими решительными дамами.

Городская девочка физически чувствует исходящую от них инаковость, и ей это странно. Вроде одна страна, а какая фундаментальная разница.

Вокруг республиканской подпольной империи в изобилии выются блатные, цветные, воры в законе, авторитеты и прочая разношёрстная публика.

Среди многоцветья имён и судеб городская девочка запомнила лишь авторитета Дуру Хурцилава, и то скорее всего потому, что ей запомнилось его имя.

– Дуру? Как можно назвать человека таким именем? – удивляется она, не знакомая пока ещё с языково-географической природой возникновения многих имён.

О Дуру в Сухуми ходят легенды, ведь он очень дерзкий и даже носит с собой пистолет.

Ещё в галактике Сухуми обитает много «спекулянтов».

Спекулянт – очень серьёзная профессия, и она не считается в городе позорной, как того требует пропаганда. Напротив, спекулянты – люди известные, их уважают, к ним прислушиваются, у них одеваются жёны партийных работников.

Фиалил блатного и подпольного бизнес-мира всего советского юга, галактика Сухуми одновременно и средоточие светлых умов и неожиданных прозрений. Прошита идеально ровными улицами – все строго к морю, заблудиться невозможно, утопающая в зелени, полная дореволюционной архитектурной архаики, взрывная и переливающаяся через край, она притягивает к себе остальные галактики, как магнит.

Льнут к галактике Сухуми не только они, но и множество одиночных залётных звёздочек извне. Галактика принимает их с щедростью избалованной вниманием и подношениями царицы. Равнодушно-приветливая, она охотно раскрывает объятия, но готова оттолкнуть тех, кто не вливается в её внутренний ритм, не слышит его либо не желает слышать.

– Хотите – идите ко мне, не хотите – я и без вас спокойно проживу, – говорит она и отворачивается к полуденному солнцу.

Спрессовывается в единое неразрывное целое космический масштаб абхазских галактик и в итоге фокусируется в одной точке – в Очамчире. В типичном доме тех лет. Наполовину каменном, наполовину деревянном и с двумя внешними лестницами – парадной каменной и подсобной из дерева.

Каменная парадная лестница – наружная и ведёт на второй этаж, к выкрашенной голубой краской застеклённой веранде. Это и есть вход в дом, где живёт семья Лео Тужба и Мани Квачахия – дедушки и бабушки городской девочки со стороны мамы Эвелины.

Детей у дедушки Лео и бабушки Мани четверо. Старший сын, Шота, человек, близкий к искусству, как в прямом, организационном его смысле, так и по степени жизненной и душевной вовлечённости в него; Вахтанг – военный врач и красавец; и две дочери, Ирина и Эвелина, избравшие нелёгкую учительскую профессию. Шота с семьёй живёт по обычаям тех времён вместе с родителями. Вахтанг служит военным хирургом в рядах Советской армии, и наезжает сам и привозит семью в гости к родителям изредка. Сёстры хоть и находят семейное счастье в противоположной от Очамчирской галактики Гудауте, но вместе с семьями живут и работают в Сухуми и еженедельно вместе с детьми ездят на электричке в Очамчиру, чтобы навестить отцовский дом.

Возможно, поэтому городская девочка успевает застать и свою прабабушку, Салме Тарба, «Деду», как называют её в доме Лео и Мани Тужба.

Купеческая дочь, после гибели в далёком восемнадцатом году мужа, урядника Самурзаканского уезда, меньшевика и кавалера различных наград Алексея Квачахия, Деда живёт в семье единственной дочери и зятя, помогает растить детей, сажает огород, готовит еду, стирает, убирает и носит воду из глубокого колодца, расположенного тут же, во дворе. От помощи она отказывается. Говорит, что труд помогает ей забыть прошлое.

После революционных потрясений Деда отдала зятю сохранившуюся часть своего приданого – горсть золотых царских червонцев – со словами, что ей они не нужны, а вот ему могут понадобиться.

– Моя тёща была настоящей женщиной, – назидательно поднимает палец вверх дедушка Лео, вспоминая о ней. – Сейчас таких не встретишь.

В памяти хранится пара-тройка обрывочных эпизодов, связанных с Дедой.

Сухопарая женщина с мелкими чертами лица, ровной осанкой и аккуратным носом медленно идёт по двору с кастрюлей в руках. На женщине длинное платье из ситчика и передник, голова покрыта завязанной на затылке косынкой, по спине выются две длинные косы: Деда так и не состригла волосы.

Деда лежит в комнате на втором этаже, и ей делают укол в руку. Рука худая и беспомощная, и городскую девочку поражает спокойствие, с которым Деда позволяет медсестре колоть себя, когда положено громко плакать и сопротивляться.

И ещё одно воспоминание.

В небольшом уютном зале стоит гроб, вокруг толпятся плачущие женщины в чёрном, нельзя бегать и громко разговаривать. Оказывается, Деды больше нет, а на диване по старинному обычаю разложены её вещи: платья, кофты, обувь.

Городская девочка боится вещей и отказывается заходить в зал. Кто-то берёт её за руку и подводит поближе к дивану. Слышится голос. Возможно, это голос мамы Эвелины.

– Эля, не бойся. Это всего лишь вещи. Потрогай.

Но городская девочка отказывается трогать. Ей кажется, что вещи Деды живые и дышат, и ей страшно.

Каки в других города республики, в Сухуми собираются вечерами в узком пенале двора. Они играют в нарды. Как правило, это мужчины и они спускаются во двор в полосатых пижамах и белых майках по моде тех лет. Промывает под дворовым краном кукурузную крупу в котелке соседка Жужуна, мать троих сестёр, Наны, Нато и Ирмы, и по совместительству сослуживица папы Аслана.

Большинство соседей из грузинской (мингрельской) глубинки, поэтому, когда в их семьях случаются свадьбы или похороны, они выезжают далеко за пределы республики – туда, где испокон веку обитали их предки.

Местные обычаи потихоньку проникают в них и оттачиваются с каждым годом всё больше. Это и обязательный променад по набережной, и пешие походы в Келасурский лес, и поездки-пикники на полное природных красот форелевое хозяйство на Чёрной речке.

После одного такого пикника сядет в автобус голосовавший на дороге выпивший парень с блестящими ногтями – немислимим по тем временам зрелищем – и заявит притихшей городской девочке, что она красивая.

– Что значит «красивая»?! – возмутится городская девочка и сбежит вперёд, где сидят на жёстких, обитых коленкором сиденьях уставшие и довольные поездкой родители.

– Папа, папа!

– Что, Элькин?

– Там дядька сказал, что я красивая!

– А что, разве неправда?

– Ну, папа-а!

– Хе-хе.

Ещё не стал общенациональным напитком чёрный кофе, и все пьют чай и газировку с сиропом, а помимо обязательных на многочисленных мероприятиях и в быту домашнего вина и чачи, многие, в том числе и папа Аслан, любят иногда опрокинуть бутылочку-другую пива Сухумского пивзавода: в стандартной стеклянной таре, с железной гофрированной крышкой и легко отрывающейся бумажной наклейкой с надписями на двух, а к концу шестидесятых, уже и на трёх языках: русском, грузинском и абхазском.

Кофе пьют лишь в домах недавно вернувшихся из казахстанской ссылки греков и местных армян. Терпкий и горьковатый, остальным он кажется странным и, вне сомнения, неоправданным увлечением.

Но кофе коварен и терпелив. Он знает – его звёздный час впереди. В итоге так и случится, и кофе сегодня предлагают в Абхазии везде. И на архаических сельских подворьях, и в медленно оживающей Гудауте, и в прекрасном полупустом Ткварчале, и в далёком Гал, и в пёстрой, к сожалению, утратившей магию дореволюционного очарования Гагре, и такой же пёстрой и ожидающей своего звёздного часа Пицунде.

И конечно в стремительно теряющем из-за хаотической застройки своё возвышенное величие Новом Афоне.

В Сухуме и вовсе царят культовые места распития кофейного напитка. И это не только Брехаловка. И даже не только Пингвин...

Визиты городской девочки в Очамчиру не длительны по времени, как летние каникулы в сонном царстве Гудауты, но полны буйной прелести краткосрочного пребывания – шумные, крикливые, смешливые, с драками, ссорами и играми в компании двоюродных сестёр

и соседских детей, одной командой, в едином порыве и постоянной страсти взаимного общения. Правда, играть можно не везде. Например, нельзя играть во дворе у почтенной старушки, живущей как назло прямо по соседству: хлопает хлипкая калитка в задней части двора – и городская девочка уже на её территории.

Обладательницу византийского имени Феодосия, переименованного соседями на простецкий манер в Федосью, отличают оставшаяся со времён дореволюционной молодости осанка, точёные черты лица и не утратившие свежести красок голубые глаза с красивым разрезом. В деревянном доме Федосьи царят полумрак и прохлада, там почти бедно и очень чисто, а об ушедшем великолепии давних времён напоминает лишь красующаяся на тумбочке во всем блеске антикварной подлинности фарфоровая кукла – осколок прежней жизни хозяйки, обладательницы собственного выезда, мужа-обожателя и поездок на воды тягучими зимними месяцами.

Пока мама ведёт душевные соседские разговоры с Федосьей, городская девочка обследует дом и в полутёмной из-за закрытых ставен спальне обнаруживает на прикроватной тумбочке ту самую, оставшуюся от великолепия прежних времён, дореволюционную куклу.

Кукла немедленно покоряет городскую девочку неземной красотой наряда и шляпкой в сиреневых кружевных тонах. Следом просыпается вполне предсказуемое желание забрать фарфоровое чудо с собой. Как назло кукла предназначается в наследство тбилисским внукам хозяйки, и скандал, учинённый охваченной пароксизмом желания городской девочкой, ничего не даёт, и мама Эвелина с извинениями уволакивает её, бьющуюся в истерике, из полумрака прохладных комнат обратно, в дедушкин дом.

В качестве утешительного приза остаются лишь фруктовые карамельки в сморщенных руках Федосьи во время последующих визитов и просмотр её семейного альбома с запечатлённым на твёрдых, как камень, снимках тонким профилем, пышноволосям венцом причёски и французскими кружевами на стройной шее.

Она мало рассказывала о былом великолепии, но твёрдые, как камень, фотографии красноречивее слов.

Какой красивый кружевной зонтик держит над головой изящная рука в тонкой перчатке. Интересно, остался ли он ещё у тёти Федосьи?

Нет?

Ах, как жаль.

И почему она усмехается?

Какое красивое у неё лицо. Оно, конечно, очень морщинистое. И всё равно – какое красивое!

По приезду в Очамчиру мама Эвелина традиционно наносит соседям ритуальные визиты вежливости. Визиты проходят строго по ранжиру: сначала к тем, чьи дома прямо за забором – семье Чолокуа и той же Федосье. Затем соседям напротив – в семьи Вейс-Оглы и Булискерия. Обязателен и родственный визит в большую семью Тарба, проживающую на параллельной улице.

Городская девочка ещё совсем мала, когда знакомится с детьми из семьи Тарба – Саидой, Джамилой и Лолитой, и они шумно играют в тарбовском дворе, а затем и на просторном сумрачном дворе у Вейс-Оглы. Бегают друг за другом, придумывают различные игры. Верховодит ватагой Тина Вейс-Оглы. Она старше всех и строга с остальными, например, устраивает экзамен по арифметике.

Надо быстро сложить в уме цифры и выдать результат.

Лучше всех складывает Саида, следом выдают результат Джамила и Зарема, не отстаёт от них и Натуся, старшая дочь дяди Шоты, затем настает черёд Арды, его средней дочери.

Городская девочка складывает цифры самой последней. Все дразнятся, и городской девочке обидно и очень хочется плакать.

Тине становится скучно с мелюзгой, и она уходит в дом. Тут же придумывает новую игру Саида, высыхают сами собой слёзы, и возобновляется прежняя дружба. Из приземистого деревянного дома Вейс-Оглы слышно, как смеётся тётя Надя, мама Тины, говорит на турецком со своей свекровью Зекией, припечатывает крепким словом сына Руслана.

Городской девочке запомнились «цыть п...ц» и «голубые яйца». А жаль. В речах тёти Нади было столько колорита...

Тина, Тина, хорошая, славная, с серо-голубыми глазами и светлыми волосами. Уже повзрослевшую, будут спасать тебя от страшной болезни, но не спасут, потому что не было спасения от таких болезней в те годы, да и сейчас нет. А из перечисленных почти никого не осталось в Очамчире. Кто уехал, кто ушёл навсегда. Опустела галактика Очамчира, ветшают её чудесные деревянные дома, дышит вновь обрётённым привольем необузданное местное море, ждёт появления новой жизни на длинной, обсаженной соснами набережной.

Дедушкин дом – ещё тот, прежний, не снесённый в угоду гулкой бетонной громаде новой постройки, – полон канувших в небытие чудес в виде цветастого восточного ковра, закрывающего собой и часть стены, и турецкую тахту в зале, люстры с зелёным стеклом и шелестящим хрусталём тонких подвесок, разнообразной медной утвари и массивной бабушкиной кровати, запомнившейся высокими боковыми стенками, на которые трудно взбираться.

Мощноствольная, пышноцветущая глициния обвивает ведущую на второй этаж каменную лестницу и дарит по весне охваченное благоуханием свечение конусообразных светильников-соцветий. Кажется, она жива до сих пор, эта свидетельница ушедших времён. А может, и нет. Память любит играть в причудливые игры с сознанием, подчас оставляя его в дураках.

Помимо антикварных чудес, дедушкин дом полон дефицитных по тем временам книг и разнообразной музыки. Полнота собрания объяснима. Старший сын дедушки, Шота, с детства ценит всё, что касается искусства.

Звучат на патефоне записанные на толстых и тяжёлых чёрных пластинках хрипящие голоса итальянских теноров.

Ridi, Pagliaccio, sul tuo amore infranto.

Ridi del duol...

Позже патефон заменит проигрыватель, появится в доме и первый в Очамчире телевизор, а самостоятельно овладевший хитростями пианино дядя Шота качественно и до самозабвения в любое свободное время будет играть джаз.

Изящество и лёгкость его импровизаций оживают в памяти без малейшего принуждения. Тающие на излёте пассажа звуки, характерное движение кистей, голос с хрипотцой и смеющимися глазами.

– О! Смотрите, кто к нам пожаловал! Моя гениальная племянница!

Случается городской девочке пожить в очамчирском доме и одной, без уехавших к сочинской тётушке Норе кузин Натуси и Арды. Народившийся же пару лет назад кузен Лёка в силу своего малолетства городской девочкой не замечаем вовсе.

Женщины семьи – жена дяди Шоты, тётя Жуна и бабушка Маня, конечно же, рискуют, когда берутся присматривать за скучающей в одиночестве городской девочкой, хотя времена, когда городская девочка шалила так сильно, что её приходилось пугать страшными карами, давно прошли.

Как же было непросто терпеть шалости городской девочки! Вспоминается бегство после очередной разбитой вазы под ближайший стол и несущиеся в ответ на замечание оттуда, из-под глубин стола, хлёсткие, искажённые по малолетству фразы.

– Тётя Джуна! Ты злая и нехорошая жэнщина! Я тебя не боюсь!

И ответное возмущение в голосе тёти Жуны, обращённое к бабушке Мане.

– Мама, почему пугаете мной? Она же не будет меня любить!

– А кем пугать? – слышатся полные оправдания фразы бабушки Мани. – Она же только тебя ещё слушается чуть-чуть!

Вот идёт поиск очередной куклы, что прячут от неё, любительницы отрывать несчастным руки и головы, на верхней полке шкафа. Чтобы достать куклу, приходится выстроить пирамиду из стульев и табуреток и попутно не забыть разбить красивое чёрное стекло, украшающее столешницу крытого лаком трюмо. И всё для того, чтобы тут же вдавить несчастной глаза вовнутрь. Чисто из любопытства. Что там, в её голове?

Да, без сомнений, скучающая, хоть и подросшая городская девочка представляет собой угрозу, но бабушка Маня и тётя Жуна уверены в себе.

– Мы справимся с ней, Эвелина, – уверенно заявляет тётя Жуна и берёт притихшую городскую девочку за руку. – Поехали, Эля. Ты же будешь слушаться?

– Мгм.

Откуда в очамчирском доме появились дефицитные по прихоти стагнирующей советской экономики апельсины, уже не помнится. Два больших бумажных пакета с пятью килограммами оранжевых плодов почти торжественно помещены тётей Жуной в холодильник. Апельсины предназначены для похода в больницу с целью навестить болеющего и, судя по всему, страшно важного родственника, и тётя Жуна и бабушка Маня вдвоём устанавливают шуршащие бумажные инсталляции на специально освобождённую холодильную полку.

– Пусть пока здесь постоят, – говорит тётя Жуна. – Днём отпрошусь с работы и заберу их в больницу.

Городская девочка, недавно отпраздновавшая своё десятилетие, как раз заканчивает чтение «Последнего из могикан». Она до краёв переполнена переживаниями за судьбу прекрасной Кору и надеждами – о, святая наивность, – что аристократичная героиня Фенимора Купера выйдет замуж за Ункаса, сына Чингачгука, бывшего по совместительству тем самым последним из могикан, о котором Фенимор Купер написал целый роман.

Переполненность переживаниями и надеждами изматывает душевные силы городской девочки, и, чтобы совсем не зачахнуть, она периодически сбегает по внутренней лестнице второго этажа вниз, чтобы схватить на кухне что-нибудь съестное и, улёгшись на сверкающую лакированными по тогдашней моде спинками кровать и задрав обутые в туфли ноги вверх, к стене – ей так удобней лежать – продолжает чтение.

Ещё не появились в пришедшем на смену старому новому доме редкие по тем временам немецкие книжные полки, поэтому книги из богатой библиотеки дяди Шоты громоздятся в углу одной из комнат высокими, плотно пригнанными друг к другу столбцами. Городская девочка выбирает ту, что кажется интересной, затем подолгу рассматривает остальные, чтобы сравнить их с выбранной ранее, и быстро бежит в свою комнату – первая дверь направо от входа на второй этаж. Чего только не было в тех, громоздившихся в углу столбцах!

Романы Толстого и Достоевского, Гоголь, Чехов, очень много Пушкина, недавно изданный Есенин, шеститомник Фенимора Купера, Майн Рид, Даниэль Дефо – последний в полном, неадаптированном издании. Городскую девочку поражает иллюстрация к эпизоду, где Гулливер тушит пожар в императорском дворце лилипутов, изливая на него содержимое собственного мочевого пузыря привычным мужским способом, как известно, оскорбившим императрицу лилипутов до глубины души.

Золя, Флобер, учебник по судебной медицине с хоррором изученных вдоль и поперёк картинок, хороший американский парень Джек Лондон и не менее хорошие Марк Твен, Ильф и Петров, Шолохов и Иванов.

Островский-драматург и Островский – Павка Корчагин, Сент-Экзюпери, Ильф и Петров, Катаев и многие-многие другие.

Есть даже запрещённый в те времена Леонид Андреев, с тонким абрисом недобитой белой кости на одном из заглавных листов. И великое множество книг по театральному искусству, истории балета и кино, среди них – любимые городской девочкой «Звёзды немого кино» Головского.

Дуглас Фэрбенкс и Мэри Пикфорд, режиссёр Дэвид Гриффит и Чарли Чаплин, Глория Свенсон и Рудольфо Валентино, Алла Назимова и Бетт Дейвис, Лилиан Гиш и Бастер Китон. Пышность голливудских вилл, декоративность поз, влюблённость автора в собственный текст, его восторг перед волшебством экрана – несомненно, это была другая, полная загадок Вселенная.

В очередной визит на кухню совершенно случайно, исключительно из любопытства, городская девочка заглядывает в холодильник с бумажными пакетами и вдруг ловит себя на том, что испытывает дикое желание попробовать хотя бы один из аккуратно сложенных внутри апельсинов. Без сомнений, желание попробовать апельсин – искушение для неё, а ведь именно с искушениями городская девочка обещала маме Эвелине вести самую беспощадную борьбу и очень старается исполнить обещанное. За время пребывания в очамчирском доме она ни разу не съела все имеющиеся в доме конфеты, не присвоила снесённое курицей с заднего двора утреннее яйцо для любимого гоголь-моголя, не отрезала края с круглого высокого хлеба, предоставив остальным доедать остальное, и даже не ковыряла с помощью ножа сливочное масло так, чтобы на нём образовывалась изъеденная кратерами лунная поверхность.

Ещё она чистит зубы по вечерам и бежит домой сразу, как слышит, что её зовут.

Йех-х!

Городская девочка достала из бумажной инсталляции один апельсин. А потом ещё один.

И ещё.

И ещё.

И пришла в себя, когда в обоих пакетах не осталось ничего. То есть совсем-совсем ничего. Ни единого апельсина.

Городская девочка глядела на топорщащиеся и абсолютно пустые пакеты и испытывала ужасающие чувства. Придётся признаться, что это она съела все апельсины. И её сразу спросят, куда она дела шкорки.

– Куда ты дела шкорки?

– Бросила их за шкаф.

– За шкаф? Какой шкаф?

– Который в моей комнате.

– За этот огромный двухстворчатый тяжеленный шкаф?

– Да.

- Этого не может... Так, ладно! И как это тебе удалось?
- Очень просто, на самом деле. Хватаешь шкорки, взбираешься на стул и с силой кидаешь их в дырку между шкафом и стеной. Они все там.
- Все пять килограммов?
- Ну да...
- Нет. Нет. Это невозможно...
- А что скажет дедушка Лео, когда ровно в семь часов придёт с работы?
- Зачем съел апельсин? – спросит он на своём не очень ладном русском.
- Хотел, – угрюмо ответишь ты.
- Хотел? – поразится он. – Сказал бы мне, я бы достал.
- Я не знал, что их можно достать, – ответишь ты, опуская голову.
- Не знал не значит, что всё съел! – назидательно скажет он, и ты умрёшь от стыда.

Что же делать?

Лучшее решение в подобных случаях – ничего не делать, и городская девочка так и поступает. Она поднимается к себе и как ни в чём не бывало погружается в захватывающие приключения благородных героев Фенимора Купера.

Вскоре снизу слышится шум голосов. Это возвращается с работы тётя Жуна. Возвращается специально, чтобы пойти в больницу и навестить важного родственника.

Посещение в больницах важных заболевших родственников во всех абхазских галактиках по сей день остаётся в числе самых главных ритуалов, подтверждающих не столько факт участия в постигшей родственника беде, хотя и он, конечно, присутствует, сколько статус, которым обозначают себя навещающие по отношению к больному.

Скажем, навещающий важного родственника мужчина, желающий обозначить свою близость к заболевшему, появляется в больнице как можно более часто, может быть, даже каждый день. Свою близость к заболевшему мужчина демонстрирует через активное поведение – ведёт беседы с врачами и медсёстрами, периодически порывается организовать созыв консилиума и подолгу беседует на различные темы с другими навещающими родственниками в больничном сквере или на улице под окнами палаты.

Если заболевшего родственника навещает женщина, то в процессе ежедневных посещений она, как минимум дважды, принесёт «набор навещающей женщины».

Стандартный «Набор навещающей женщины» включает в себя в обязательном порядке сваренную с пылу с жару мамалыгу с четырьмя кусками сыра. Сыры желательно попарно разные – два куска белого и два копчёного. Рядышком с истекающими в горячем чреве мамалыги сырами в идеале должна томиться паста из мяты и творога. Одурающе пахнет аджикой жареный домашний цыплёнок. Ещё «набор» предусматривает баночку со свежим горячим бульоном, конфеты, фрукты и пару бутылок минеральной воды «Боржоми» (сегодня его заменила «Ауадхара»).

– Открываю холодильник – стоят мои пакеты, – часто рассказывает про приключения городской девочки тётя Жуна на семейных посиделках. – Только пытаюсь взять один из них, чтобы загрузить его в сумку, он вдруг падает. Заглядываю в него – он пустой. Заглядываю во второй – он тоже пустой. Бумага же плотная, взяла форму фрукта и стоит себе, будто полная, вот сразу и не разберёшь. Думаю, наверняка мама перепрятала апельсины в другое место. Зову её. Мама приходит, я и спрашиваю:

- Мама, апельсины хочу забрать, вы куда их положили?
- Я не трогала, – говорит она.

Я, естественно, ей не верю.

– Мама, я спешу, мамалыга остынет, я должна бежать в больницу. Где апельсины?

– Клянусь Вахтангом (бабушка Маня всегда клянётся именем среднего сына по причине его дальнего местонахождения из-за службы), не трогала я твои апельсины.

– А куда они могли деться? – недоумеваю я и начинаю лихорадочно вспоминать, может, это я сама их спрятала, но внезапно забыла куда? И понимаю, что нет, не прятала я их, а точно положила в холодильник и ещё предупредила маму, что они предназначены больному.

Терпеливо начинаю допрос заново.

– Мама, ну может, вы отдали кому-то и не хотите говорить? Я слова не скажу, только не скрывайте от меня.

– Я же Вахтангом поклялась! – возмущается она. – Разве буду тебя обманывать? Ты для больницы принесла, как я могла их тронуть, ты что говоришь?!

– А куда они подевались?! – окончательно теряюсь я.

Пока внизу идёт напряжённый диалог между невесткой и свекровью, городская девочка лежит на своей кровати с книжкой в руках и пребывает в мучительных размышлениях.

Они там внизу разговаривают. И наверняка бабуля оправдывается, а тётя Жуна думает, что она спрятала апельсины. И сейчас тётя Жуна поднимется наверх и спросит, где апельсины.

Что делать?

Городская девочка знает, что никакого наказания за съеденные ею апельсины со стороны тёти Жуны не будет. В больших абхазских и мингрельских семьях не принято наказывать ни близких, ни дальних родственников, и не только за апельсины, но и за гораздо более серьёзные проступки. К тому же тётя Жуна никогда не делает городской девочке никаких замечаний, хотя поводов было хоть отбавляй. А значит, не сделает и сейчас.

И вот это-то отсутствие возможного и справедливого наказания угнетало городскую девочку гораздо больше, чем его логическое присутствие, и, чтобы оттянуть момент признания, она решила спрятаться.

В большом каменном доме, выстроенном дедушкой Лео для такой же большой семьи и многочисленных гостей, два этажа и много комнат. Внизу размещаются кухня и примыкающая к ней столовая с большим камином-бухаром, как называют его местные. Ещё одна комната и просторное складское помещение с низким потолком, предназначенное для хранения тканей из дедушкиного магазина, находятся слева и справа от столовой. В середине дома, сразу за центральным входом, как бы разрезая дом на две части, ведёт на второй этаж довольно высокая по моде тех лет внутренняя лестница. Поднявшись по ней, можно попасть в длинный коридор, на который нанизана анфилада спален с внутренней стороны, и большой, разделённый на две несимметричные части зал с множеством окон с фасадной и боковой сторон. В самой дальней из спален, сразу за залом – ещё один камин. Он не такой большой, как бухар нижнего этажа, скорее совсем небольшой, и используется по назначению для удовольствия и лишь в самые холодные зимние дни, поскольку в доме есть паровое отопление.

Подумав как следует, городская девочка сделала вывод, что если она спрячется в камине второго этажа, то её не найдут. Прокравшись по коридору в дальнюю комнату, она открыла тяжёлую каминную дверку-заслонку, залезла внутрь и, присев на корточки спиной к дверке, вслепую закрыла её за собой.

В камине было тихо и темно, громоздятся старые журналы и газеты и ощутимо пахнет сажей. Городская девочка подняла голову и сквозь узкую кирпичную шахту трубы увидела далёкий кусочек показавшегося ей ослепительным голубого неба.

«Красиво», – подумала она.

Пока перепугавшаяся неизбежного объяснения городская девочка разглядывала в жерле трубы небесный лоскут, тётя Жуна пыталась разгадать причину исчезновения пяти килограммов апельсинов.

– Раздала соседским детям! – задумчиво глядя на бабушку Маню, произнесла она и негромко позвала.

– Эля-я-я.

Ответом было молчание.

Тётя Жуна позвала немного громче.

– Эля-я-я!

Вновь ни звука.

– Эля, Эля! – суетливо присоединилась бабушка Маня, но ответом вновь было молчание.

Тётя Жуна быстро поднялась на второй этаж и заглянула в комнату городской девочки, но ничего, кроме раскрытой книжки на смятом покрывале, не обнаружила.

«Убежала к соседям», – подумала она и вернулась вниз, где её поджидала бабушка Маня.

– Эля, Эля, Эля-я-я! – увидев вернувшуюся ни с чем невестку, заверещала она, и тётя Жуна бросилась успокаивать свекровь, но периодически прерывала словесный сеанс успокоения, чтобы вновь зазывать городскую девочку.

Бабушка Маня тут же присоединялась к ней.

В воздухе, как говорят в таких случаях, запахло скандалом, поскольку на громкие голоса неизбежно должны были появиться соседи и городская девочка поняла, что молчать больше нельзя.

– Оу-у, – подала она голос в той манере, в которой жители галактического села Апцхва отвечали друг другу с подворья на подворье все прошедшие столетия до изобретения сотовых телефонов.

В соответствии с законами физики поданный городской девочкой голос бросился искать выход из узкого пространства камина и, ожидаемо обнаружив его в трубе и обрадованный возможностью вырваться наружу, бросился туда, где синел небесный лоскут, отчего у тёти Жуны и бабушки Мани создалось впечатление, что городская девочка ответила им с крыши.

– Эля-я-я!!! – истошно завопила бабушка Маня и стала бегать по периметру каменного дворового пространства с задранной вверх головой. – Эля, спустись! Сейчас же спустись! Нет, не спускайся! Подожди! Лестницу принесу! Не спускайся! Эля! Эля! Жуна! Что ты стоишь! Это ты во всём виновата! Она тебя испугалась! Эля! Не шевелись! Сейчас! Сейчас! Я сейчас!

Тётя Жуна, вышедшая во двор следом за свекровью, и вправду стояла не двигаясь. Но не потому, что получила приказ от бабушки Мани.

Тётя Жуна недоумевала.

– Я стою и думаю, как она туда забралась? Ну, предположим, поставила стулья друг на друга, чтобы до потолка дотянуться. Но люк всё равно не откроет. Он же на замке. Так! Камин!

Она зашла в комнату так же осторожно, как пробиралась до этого по коридору, в опасении спугнуть беглянку и вынудить её сделать ещё какую-нибудь глупость: выброситься, к примеру, из окна или умереть прямо здесь, в небольшой комнате с высокими потолками и кроватью-полторашкой из светлого дерева.

По-прежнему стараясь не шуметь, тётя Жуна встала на пороге и негромко обратилась к закрытому камину.

– Эля, вылезай. Я знаю, что ты здесь. Давай без глупостей, ладно?

Но городская девочка и не думала совершать глупостей, ведь она уже смирилась с предстоящим позором, да и бабушку Маню было жалко. Очень уж она нервничала.

И городская девочка принялась вылезать из камина.

Интересно, как можно вылезти из узкого пространства камина, если ты сидишь в нём на корточках, да ещё и лицом к его задней стенке?

– Говорю ей, – рассказывает тётя Жуна, – спокойно так говорю, чтобы не напугать: «Эля, вылезай, я знаю, что ты в камине». И жду. Думаю, если что захочет сделать – я буду наготове. Но она не стала ничего делать, даже не заставила меня повторить дважды, сразу начала вылезать. Но как? Сначала с грохотом откинулась в сторону дверка. Потом показалась Элина попа. Потом посыпались газеты, а я даже успела подумать, откуда тут они, и решила, что надо бы прибраться в камине. А следом уже и она вывалилась.

Здесь тётя Жуна, как правило, повышает голос, и рассказ начинает прерываться смехом.

– Вся в саже, начиная от лица и заканчивая новой кофтой моей Нателы, которую я буквально утром надела на неё. Испугалась, чтобы не простыла, ветер что-то был с утра, дай, думаю, надену кофту, мало ли что. Вылезла и встала с опущенной головой. А я ей говорю строго так: «Идём вниз». А сама еле сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться. Только крикнула маме, что нашла её.

Тётя Жуна, конечно же, отложила визит в больницу, поскольку и апельсинов не было, и мамалыга и бульон успели безнадежно остыть, и занялась приготовлением семейного обеда. А бабушка Маня сначала горячо отругала продолжавшую угрюмо молчать городскую девочку, а потом стала выпытывать, кому она отдала апельсины.

– Никому, – буркнула вымытая и переодетая в чистое городская девочка.

– А куда они делись? – продолжила допрос бабушка Маня.

– Съела, – опустив голову до максимальных пределов, пробормотала городская девочка.

– Съела? Что, все? – изумилась бабушка Маня.

– Угу, – промычала городская девочка.

– А шкорки куда выбросила? – продолжила допытываться бабушка Маня, не поверившая ни единому слову внучки. Как же, съела, сволочь маленькая! Наверняка соседским детям раздала!

– Туда, – неопределённо махнув рукой в сторону огорода, сказала городская девочка.

– Она раздала и боится признаться, – заговорщически шепнула тёте Жуне бабушка Маня.

– Знаю, – ответила тётя Жуна. – Ну, что делать? Раздала и раздала.

О том, что городская девочка сказала чистую правду про съеденные апельсины, догадались только через неделю, когда тётя Жуна, затеяв в доме генеральную уборку, отодвинула шкаф в комнате городской девочки и обнаружила за ним полуссохшиеся апельсиновые корки, о существовании которых сама городская девочка к тому времени забыла напрочь.

– Как ты не лопнула? – в сердцах спросила тётя Жуна у угрюмо замолчавшей городской девочки. – Там же было пять кило!

– Я не считала сколько там было, – пробормотала городская девочка. – Они вкусные были, и я не заметила, как их все съела. Извините меня, пожалуйста.

– Да бог с ними, с апельсинами, – вздохнула тётя Жуна. – Просто ты могла объесться, и потом тебе стало бы плохо.

Городская девочка искренне не понимала, как может быть плохо от апельсинов, но решила промолчать.

Да и извоженную её обутыми в обувь ногами стену так некстати решили заново красить. Какие уж тут возражения...

Путь в галактику Очамчира видится городской девочке долгим, но приятным, и лучше всего добираться туда на электричке с промежуточной посадкой на платформе Бараташвили (Гум). Платформа красива и напоминает городской девочке дворец, внутри которого всегда царят полумрак и прохлада.

В граните пола и стен отсвечивают огни большой центральной люстры из бронзы – верной приметы канувшего в Лету большого стиля.

В связи с платформой есть и не очень приятные воспоминания, ведь именно там городская девочка впервые увидит, как выглядит внезапно наступившая смерть, когда на её глазах подъезжающий поезд отсечёт голову зазевавшейся бродячей собаке, и только что полное жизни существо, разделившись на две отдельные части, преобразится в мёртвую равнодушную плоть.

С той далёкой поры список, открытый гладкошёрстным существом небольшого роста с вытянутым охотничьим носом и явно чужеродной породы хвостом, будет постоянно пополняться.

Мёртвые и покалеченные дети в страшной аварии подле Гудауты в день похорон тёти Малицы. Их трое, и все они сидели с отцом в мотоцикле с коляской, когда управляемый кем-то беспечным грузовик развернулся прямо перед ними, мгновенно преобразив полные жизни тела в равнодушную плоть.

Множество погибших в авариях людей на московских дорогах. Девяностые оказались особенно щедры на них.

Военная часть списка. Она оказалась самой длинной, но память зацепилась лишь за некоторых.

Растерзанный свиньями и собаками труп мужчины на площади за Келасурским мостом в сентябре девяносто третьего. Лежащая ничком на обочине дороги в Гал женщина в овчинной жилетке. Расстрелянные у забора сухумского двора соседи, один из них был тамадой на свадьбе. Недалёкий человек, так и не понявший законов войны и наивно оставшийся переждать её трагический финал в своей квартире...

Бесконечный ряд эксгумированных из захоронения в районе Республиканской больницы тел. Городская девочка сопровождает туда иностранных журналистов. Бьётся в истерике мать, узнавшая среди останков своего сына, быстро щёлкает фотоаппарат.

Надо успеть запечатлеть горе на её лице.

Накрытый плащ-палаткой, залитый кровью труп Автандилова. Городская девочка возмущается, стоя в метре от него. Говорит громко, чтобы слышало как можно больше народу и одновременно для того чтобы отогнать подальше видение вычищенных перед последним походом ношенных туфель с острым носком, выглядывающих из-под плащ-палатки.

Он привёл себя в порядок прежде, чем выйти как ни в чём не бывало на работу к абхазам.

Недалёкий человек, так и не понявший законов войны.

– Что за безобразие?! – кричит городская девочка. – Неужели нельзя не устраивать из городского двора место для показательных казней? И сколько ещё времени мы будем лицедрать трупы соседей, выходя на свои балконы?

Показной цинизм, видимое равнодушие к происходящему, нечто особенное, несвойственное, неприемлемое в обычной жизни. Словно равнодушие мёртвых. Такова плата за войну, такова пробуждённая в глубинах подсознания жажда лицемерия смерти, подспудная, атавистическая, несущая новый, ни с чем не сравнимый опыт.

Его не забыть.

Мучимый ватагой детей котёнок – ещё одна страшная картинка из далёкого детства. Нет, городская девочка не увидела, как он утонул. Убежала раньше, с тайной надеждой, что ему удалось спастись.

Если есть рай для животных, то ты, конечно же, там. Прости меня, если сможешь. Прости за то, что я, маленькая и движимая естественным жестоким любопытством ребёнка, приняла участие в расправе над тобой. Прости, если сможешь, не держи на меня зла.

Если сможешь, прости... прости...

В тоннеле звук колёс электрички становится громче и дробней. Выстукивается чёткий ритм, гулко отдаётся эхом в тёмных глубинах, нанизывает километры пути. Исполняя привычный походный ритуал, городская девочка стоит у окна и считает про себя боковые фонари-лампы.

Сначала на тёмных влажных стенах тоннеля появляется отсвет, следом наезжает яркое пятно, которое становится всё ярче и ярче и превращается в фонарь.

Фонарь вспыхивает на мгновение и тут же удаляется прочь.

Десять, одиннадцать, двенадцать... двадцать три, двадцать четыре...

Ведут неспешные разговоры о семейных делах мама Эвелина и тётя Ира. Если городская девочка не одна, а с кузиной Заремой, то счёт фонарям ведётся совместно и соревновательно – у кого с какой стороны их больше!

Через вагон то и дело проходят странные люди. Глухонемой человек присаживается неподалёку и ловко раскрывает веером чёрно-белые фотографии плохого качества с лубочными красавицами в развевающихся флёровых накидках. Кроме красавиц, у глухонемого в запасе переснятые с журналов снимки советских артистов – Людмилы Целиковской, Любви Орловой, Зои Фёдоровой, Александра Черкасова. Есть и прекрасные иностранки – Марика Рёкк, Вивьен Ли, Грета Гарбо и, конечно же, королева маминых грёз – Милица Корьюс.

Портрет смеющейся Милицы Корьюс в сумасшедшей красоты платье и светящихся от призрачного света софитов локонах висит и на стене большой комнаты выстроенного в стиле модерн дома в районе сухумской церкви. Там, в большой комнате первого этажа, обитает одинокая суровая старушка с недобрый взглядом и забранными в небрежный пучок седыми волосами. Старушка торгует фотографиями артистов, и к ней бегают весь город – школьники, собирающие коллекции открыток, романтически настроенные женщины и девушки, желающие заполучить изображение любимой звезды. Среди школьников и городская девочка, прибегающая через весь город (ужас, если узнает мама), чтобы купить за десять копеек очередной снимок для коллекции. Комната старушки забита вещами, прямо за порогом, по левую руку от входа, стоит стеклянная горка. В ней красуются изящные статуэтки балерин в пенных кружевных пачках, непочтительно перемешанных с множеством явно случайных и кажущихся грубыми вещей.

На центральной стене напротив входа висит большой фотографический портрет Милицы Корьюс – любимицы хозяйки, кумира её несбывшихся надежд.

– Милица Корьюс, – заявляет городская девочка в тайной надежде произвести впечатление на мрачную хозяйку своей осведомлённостью.

– Моя любимая актриса, – ставит точку хозяйка.

– Это переснятая фотография? – не унимается городская девочка.

– Да. Сделали специально для меня.

Путь до Очамчиры давно выучен наизусть, поэтому после фонарей городская девочка считает станции. Их много – то ли восемь, то ли одиннадцать, и электричка останавливается возле каждой с характерным шипящим звуком. Стоит недолго, максимум три минуты, но изму-

ченная ожиданием приезда городская девочка недовольна. И почему кому-то вечно нужно выходить на этих далёких пустых полустанках? Она изучает мелькающий пейзаж и слушает, как меняется в зависимости от участка дороги перестук колёс. В тоннеле он один, на мосту другой, по обычному полотну третий. И вновь считает станции в ожидании появления разветвлённых путей – первого предвестника конечной остановки.

Наконец и он. Очамчирский вокзал.

На перроне все спешат, деловито снуют туда-сюда железнодорожные служащие в специальной форме, внимательно вглядывается в прохожих постовой. Следом наступает апофеоз: быстрый спуск с крутых вагонных ступенек, радостное нетерпение в предвкушении встречи с сёстрами, совместного раздолья игр и вкусных обильных обедов.

...Как, уже воскресенье и надо ехать обратно?

Мама, можно я останусь? Можно? Можно?

Ауадхара

– Мама, мама, меня художник нарисовал!

Городскую девочку переполняют эмоции, голос вибрирует на высоких нотах, большие, тёмно-карие глаза горят огнём воодушевления или, скорее, его имитацией, так как подкрепить слова физическим наличием портрета она не может.

– Он остался у художника, – сообщает она в ответ на просьбу показать рисунок.

– А почему не забрала? – И расстроенная мама Эвелина бросается уговаривать городскую девочку забрать обратно портрет. – Попросила бы художника, он бы тебе его отдал, – говорит она.

– Ладно, заберу! – снисходит городская девочка и мчится за рисунком.

Бежать в неполных пять лет вниз по склону – всё равно что с горы, ведь вокруг всё кажется большим: и люди, и деревья, и окружающие холмы, и сам пригорок, на вершине которого выстроен неказистый летний домик-балаган – грубо сколоченные из деревянных брусьев нары с постелью, раскладушка для папы Аслана, несколько заменяющих кухонную столешницу досок и керосиновая лампа, подвешенная к стропилам. Семья папы Аслана и мамы Эвелины уже во второй раз приезжает в горы и поселяется в выстроенном неизвестным умельцем домике-балагане, притулившемся на склоне холма по левую руку от основной дороги. Домик как может имитирует привычные городские условия – освобождённая от травы и плотно утрамбованная земля под ногами заменяет пол, две двери служат основным и чёрным входом, над головой прочная, защищающая от дождя и ветра крыша. Да и пейзаж, в общем-то, знакомый, ведь почти в каждом абхазском селе есть и горы, и лес, и вода, и шум горной речки.

В отличие от домиков-балаганов, палатки у местных не в чести. Они остаются прерогативой блуждающих по горам туристов, которые из-за своей тяги к зыбкости бытия кажутся склонной к размышлениям городской девочке несерьёзными личностями. «Серьёзные личности, – уговаривает себя она, на самом деле тоже страстно желающая стать несерьёзной личностью, – не будут ходить по горам без особой цели».

Правда, не все те, кого она именует «серьёзными личностями», желают селиться в домиках-балаганах и тоже выбирают палатки, что вносит некоторую сумятицу в философские рассуждения городской девочки. И это не свёрнутые в шар за натруженными спинами туристов домики-ульи, а целые брезентовые дворцы: с деревянными полами, центральным пространством для трапез, широким входным порталом, боковыми окошками и застеленными красивыми покрывалами кроватями.

Впервые увидев на опушке ближайшего леса такой дворец, городская девочка получает нечто вроде культурного шока. Фантастическая расточительность человеческой мысли, когда временное без оглядки и оправдательных мотивов выглядит как постоянное, сражает наповал и заставляет частично отказаться от прежних пристрастий к устойчивому быту балагана.

«Когда-нибудь и я буду жить в брезентовом дворце, – решает она, отбрасывая в сторону собственные оценочные критерии несерьёзности некоторых личностей. – А на случай походов по горам ещё куплю и домик-улей».

К удивлению городской девочки, у мамы Эвелины и тёти Иры, с одной стороны не возражающих против роскоши брезентовых дворцов, оказывается диаметрально противоположное мнение по поводу домиков-ульев. Они заявляют, что в домиках-ульях будет невозможно обрести устойчивую радость бытия из-за страха переболеть всеми простудными заболеваниями на свете, коварно подстерегающими маленьких детей чуть ли не за каждой ауадхарской елью. По этой причине, говорят они, жизнь городской девочки должна будет ограничиться рамками роскоши брезентового дворца. Для усиления аргумента о коварстве простудных заболеваний выдвигается и ещё один аргумент. Оказывается, помимо риска заболеть всеми болез-

нями мира, жизнь в домике-улье до крайних пределов усиливает возможность подвергнуться нападению многочисленных диких животных.

– А почему некоторые не боятся заболеть и всё равно живут в палатках? – интересуется городская девочка.

– Потому что они приезжие люди и ничего не боятся, – раскрывает перед городской девочкой карту мира мама Эвелина. – У них зимой идёт снег, и они привыкают к холоду с детства. Им болезни не страшны.

– А если на них нападут дикие медведи? – настаивает на выяснении всех деталей бытия в узком пространстве домика-улья городская девочка.

– Они их не боятся, – упорствует мама Эвелина. – У них и ружья, наверное, есть.

– Они охотники? – продолжает расследование городская девочка.

– Ещё какие! Сразу ружьё хватают и, если не будешь слушаться, могут... и тебя напугать.

– А их дети тоже животных не боятся? – развивает тему первобытных инстинктов городская девочка.

– Нет. Их дети не боятся. Они же в холоде живут.

– Я тоже не боюсь, – кричит городская девочка. – Я даже змей не боюсь!

– Ты не боишься, а Тамила боится. Увидит медведя и сразу же начнёт плакать. Тебе не будет её жалко?

– Я буду её защищать, – не теряет надежды городская девочка.

– Вот когда вырастешь – тогда и защитишь. А сейчас спать! – закрывает тему мама Эвелина и мечта о палатке растворяется в темноте ауадахарской ночи, как дым.

Ауадхара, безусловно, одно из красивейших мест Южного Кавказа, хотя знающие люди говорят, что Кодорское ущелье ещё лучше, и оснований не верить им нет. Полная разнообразной зелени летом и покрытая глубокими снегами зимой долина находится на высоте примерно в тысячу семьсот метров над уровнем моря. За обросшими смешанным лесом холмами, окружающими долину со всех сторон, во весь могучий рост поднимаются нанизанные друг на друга острые пики Бзыбского хребта, саму долину делит надвое быстрая горная речка, полная форели, у ауадхарских пастухов можно приобрести горный сыр, а у пасечников, вывозящих беспокойный пчелиный народец летними месяцами на пчелиный пленэр, – два вида мёда: золотистый цветочный и тягуче-горьковатый каштановый.

Домик-балаган папы Аслана и мамы Эвелины стоит на левом берегу реки Ауадхары, на пригорке, откуда можно спуститься как в обход, по вытоптанной пастухами и их четвероногими подопечными тропе и мимо громадного древнего валуна, на который любят взбираться и дети и взрослые, так и напрямик – через обрывистый невысокий склон.

Вот по этому склону и побежала в попытке вернуть портрет городская девочка.

Её нетерпение и нервозность можно было понять. Мало того, что явление в долине неизвестного мужчины в берете, с красками, кистями и переносным стульчиком само по себе событие для небогатого на развлечения отдыха, так ещё надо отвоевать назад оставшееся у него собственное изображение и, победно держа лист в вытянутой руке, показать его маме Эвелине исключительно для того, чтобы увидеть восторг на её лице и услышать хвалебные речи в свой адрес.

Большой из-за широкого плаща-балахона и внушительного берета на голове, вольно или невольно художник оказывается воплощением другой, идущей где-то там, параллельной жизни, в которой обитатели домика-балагана участия не принимают вовсе, хотя сталкиваются с её приметами постоянно. В городе параллельная жизнь периодически напоминает о себе песнями, доносящимися из проезжающих мимо экскурсионных автобусов с открытым верхом,

колёсным перестуком спешащих в неизвестное поездов и редкими тогда ещё, надрывно гудящими в небесах самолётами. В горах же за демонстрацию параллельной жизни отвечают усталые лица появляющихся из ниоткуда и исчезающих в никуда туристов.

И, конечно же, художник в плаще и берете.

Взбудораженная детвора облепляет художника со всех сторон сразу, как только он, расположившись на складном стульчике, устанавливает переносной штатив с загрунтованным заранее холстом, берёт в руки мольберт и на глазах у всех на небольшом куске полотна изображает соседние вершины и укутанные лесом холмы. Следом происходит и вовсе нечто необыкновенное. Художник объявляет, что готов нарисовать всех, кто этого захочет.

Торопясь и толкаясь, дети бросаются выстраиваться в очередь. Довольно кивнув в ответ, художник неторопливо откладывает походные краски, извлекает из рюкзака альбом, берёт в руки толстый чёрный карандаш и рисует на плотном листе бумаги лицо мальчика.

– А ты будешь позировать? – обращается он к следующему мальчику после того, как отдаст смельчаку его собственное изображение, и тот, ещё не веря свалившемуся на него счастьем, бежит с протянутым вперёд рисунком, чтобы похвастаться перед родными неслыханной удачей.

На заданный вопрос художником вопрос никто не отвечает.

– Так ты будешь позировать? – переспрашивает художник.

– Д-да, – выдавливая из себя засмущавшийся, и от этого проглотивший язык, очередник.

Однако как только подходит очередь городской девочки, и она, волнуясь, встаёт в ожидании перед художником, рисовать её он не спешит. Напротив, принимается разглядывать так, будто хочет то ли внимательно рассмотреть черты её лица, то ли запомнить их. Затем, вдоволь насмотревшись, он просит городскую девочку присесть на корточки и подпереть лицо кулачком. И даже поправляет спадавшие ей на лицо остриженные под каре волосы.

Несколько быстрых штрихов – и портрет городской девочки с упрямо спадающей на щеку прядью коротко остриженных волос готов, и она протягивает руку, чтобы забрать его. Но художник портрета не отдаёт, а прячет его в большую чёрную папку и как ни в чём не бывало, с улыбкой приглашает позировать следующего очередника.

Городская девочка не осмеливается потребовать у улыбчивого художника отдать принадлежащий ей по праву портрет. Некоторое время она лишь нерешительно топчется рядом, стараясь попасться ему на глаза, но увлечённый работой, он на неё даже не смотрит. Тогда, расстроенная, она возвращается домой, где мама Эвелина и предлагает ещё раз сходить к художнику и попросить его отдать портрет.

Из затеи с возвратом ничего не выходит. У обочины проторенной пастухами и их четвероногими спутниками тропы уже нет ни художника с его складным брезентовым стулом, ни его восторженных зрителей. А портрет, фоном к которому послужили далёкие горы, остаётся жить лишь в памяти городской девочки.

Кстати, горы позади сразу показались ей лишними.

И зачем он их нарисовал?

Вот бы узнать ответ...

Путь в Ауадхару по тем временам был не только долгим, но и весьма утомительным.

Сначала по бесконечной асфальтированной трассе добирались на малосильных машинах того времени до полного невыносимых красот Бзыбского каньона и не менее красивой Рицы,

затем начиналось самое сложное, поскольку предстоял подъём по ужасной каменистой грунтовке. Угол высоты грунтовки измерялся по звуку малосильного мотора договорного грузовичка либо автобуса с жёсткими и неудобными сиденьями, обитыми коричневым или чёрным коленкором. Надсадно-ровный на обычной дороге, он становился стонущим, если угол высоты менялся. В таких случаях машина меняла ход и, словно большой, объевшийся жук, медленно ползла по пыльным и острым камням. Могла и вовсе заглохнуть, тогда всем приходилось вылезать из салона и ждать, пока шофёр справится с проблемой.

Дорога на Ауадхару сильно утомляла городскую девочку, её тошнило и постоянно хотелось пить. Мама Эвелина сажала её, хныкающую, к себе на колени, отвлекала разговорами, рассказывала сказки и истории, просила потерпеть и не смотреть в окно в моменты, когда проезжали над глубокими обрывами. Не смотреть не получалось: выныривал из-под обочины заросший густым лесом либо усеянный мшистыми валунами обрыв, глаза сами поворачивались к нему, сердце замирало от сладкого ужаса, в воображении возникали картины падения.

– Мама-а-а. Ну, когда мы при-еде-е-м. Ну я уже больше не могу-у-у. Ну, мама-а-а, – ныла городская девочка, тайно надеявшаяся фактом беспрерывной жалобы приблизить окончание изматывающего пути.

– Потерпи, Эля. Уже скоро, – утешала её мама Эвелина. – Если затошнит – не молчи. Я тебе помогу. А что я тебе сейчас расскажу-у... – вот послушай. Жили-были...

Мама Эвелина знает, о чём говорит, когда предлагает докладывать о недомогании. Поездки с детьми в деревню и обратно по плохим дорогам тех лет многому научили её.

Добравшись до места, первым делом по-быстрому обживали домик-балаган, обедали, хватали бидон и шли к источнику, чтобы отметить таким образом начало перехода в новое режимное состояние: стакан плотной даже на вид воды с явным оттенком серого цвета пить мелкими глотками за полчаса до еды три раза в день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.